

18+

И БЕДНЫМ, И БОГАТЫМ

ТОМ 3

ИРИНА ПЛЮТ

Приключения с элементами LitRPG и юмором

Ирина Плют

И бедным, и богатым. Том 3

«Издательские решения»

Плют И.

И бедным, и богатым. Том 3 / И. Плют — «Издательские решения»,

Елена Викторовна всё ещё мертва — по документам. На деле Бухгалтер уже появляется в обоих мирах, а семейная партия получает новые возможности и проблемы. Одни подданные просят защиты, другие числятся пропавшими, а светлые благодетели превращают людей и демонов в расходный материал. В третьем томе Елене предстоит оформить преисподнюю на законного владельца, провести проверку в двух реальностях и напомнить бывшим богам: если отчётность не сходится, проверка сама приходит за виновными.

© Плют И.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Велено повторить	6
Глава 2. Дубовые груши	12
Глава 3. Печать поставлена	25
Глава 4. Вахтовый метод	35
Глава 5. Мошенники высокого калибра	40
Глава 6. Полевые совещания	49
Глава 7. Гостеприимство авансом	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

И бедным, и богатым. Том 3

Ирина Плют

Иллюстрации Codex Sol 5.6

© Ирина Плют, 2026

ISBN 978-5-0070-9573-0 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-9114-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Велено повторить

Утро наступило приятным пробуждением.

Лицо щекотали и согревали первые лучи солнца. Я открыла глаза и несколько секунд просто лежала, прислушиваясь к себе.

В теле была лёгкость, какой не ощущалось уже очень давно.

А ещё я выпалась.

По-настоящему.

Последнее обстоятельство настораживало сильнее первого.

В этом мире игрокам спать было необязательно. Тело уставало, но не настолько, чтобы однажды рухнуть посреди дороги и потребовать подушку, одеяло и официальный приказ не беспокоить до понедельника.

Поначалу я тоже спала.

Потом получила статус игрока и за работой забыла, что такая функция вообще предусмотрена.

Сном здесь грешили в основном НПС.

И, видимо, с недавних пор я.

Надо признать, грех оказался приятным и восстанавливающим.

Я повернула голову.

Рядом лежало что-то тяжёлое.

Точнее, кто-то.

На другой половине кровати спал Форс-Мажор.

Как по нику, так и по произведённому эффекту.

В его защиту могу сказать одно: одетый.

Я медленно выдохнула и попыталась восстановить последние события.

Мысленно я начала загибать пальцы.

Артемида.

Это приход.

Иггдрасиль.

Увеличение актива. Хороший рост, хотя окончательные итоги инвентаризации ещё предстояло получить.

Обломок меча ушёл в дерево.

Придётся, видимо, списать.

Груши...

Вот здесь внутренний бухгалтер немедленно открыл глаза.

Если на этом дубе больше не растут наши груши, спалим дерево и заставим вернуть актив на место.

Груши были дороже.

Личная десятиметровая статуя на двоих.

Похвастаемся при случае.

Скромность — добродетель прекрасная, но совершенно бесполезная, когда у тебя уже стоит собственный храм и в нём имеется памятник при жизни. Причём при нескольких жизнях сразу.

И самое главное.

Душа.

Я закрыла глаза и осторожно потянулась внутрь, туда, где в последний раз вращалась огромная серая и совершенно непонятная конструкция.

Она отозвалась сразу.

Серая масса оформилась.

Теперь она уже не выглядела настолько серой.

На поверхности проступали буквы неизвестного мне языка. Хотя почему неизвестного? Примерно такие я уже где-то видела. Не читала. Не понимала. Но узнавала тем неприятным краем памяти, который не даёт ответа и всё равно требует поставить закладку.

Я присмотрелась.

Архив.

Слово возникло в голове само.

Я подумала ещё раз.

Архив.

Оно упорно не желало исчезать и относилось не ко всей душе, а только к содержимому, которое я пока не могла прочитать.

Буквы были золотыми, чёрными и красными. Они бежали в разные стороны, сталкивались, исчезали и складывались заново. Иногда отдельные строки вспыхивали белым и тут же гасли, будто внутри без моего участия открывали один файл за другим, проверяли содержимое и отправляли обратно на хранение.

Остальное не изменилось.

Кольца вращались.

Весы продолжали двигаться.

Метроном отстукивал ровный ритм.

Щёлк.

Пауза.

Щёлк.

Но изображение в левом глазу стало слабее. Наложённый поверх мира слой почти потерял яркость, словно кто-то наконец нашёл настройки и убавил интенсивность до терпимого уровня.

Я посмотрела на нечто, всё ещё существовавшее будто за сетчаткой.

Кольца провернулись.

На мгновение выстроились в одну позицию.

В наложенном изображении серый центр исчез, оставив после себя лёгкий ореол.

Тошнота прошла.

Следом отступило головокружение.

Я улыбнулась.

Перед глазами вспыхнуло сообщение:

«Поздравляем!

Вы прошли первую стадию синхронизации.

Добудьте искру, чтобы продолжить синхронизацию».

Кажется, теперь я поняла.

У нас действительно имелся архив.

Просто файлы из него валялись неизвестно где, были раскиданы по неизвестным ведомствам и, судя по всему, выдавались владельцу без описи, каталога и права потребовать нормальную инструкцию.

Как обычно.

Совершенно счастливая и довольная, я осторожно повернула голову, затем весь корпус.

Аркадий Львович продолжал спать.

Я инстинктивно коснулась его чёрных волос.

Провела ладонью по щеке.

Странное ощущение.

Так близко и спокойно я не видела его уже очень давно. Перелёты и сон в самолёте по работе не считаются. Там рядом всегда находились документы, телефоны, стюардессы, сотрудники и обязательство проснуться человеком при первых признаках посадки.

Сейчас никто никуда не летел.

Очки лежали на тумбочке.

Аркадий Львович спал рядом.

Просто рядом.

Я улыбнулась и поцеловала его в щёку.

Он пошевелился.

Открыл глаза.

И едва не сделал то же самое, что я когда-то в кузнице.

Хорошо, что рефлекс у меня сохранился.

Я успела отдёргнуться.

Иначе получила бы качественный удар в челюсть, нос и, при особенно удачном распределении, ещё и в глаз.

Аркадий Львович резко сел.

— Лена!

Потом посмотрел на меня так, будто не поверил собственному зрению.

— Леночка, у тебя ничего не болит? Как ты себя чувствуешь?

Он засуетился с такой скоростью, словно произошла катастрофа вселенского масштаба.

А я всего лишь попала.

Так.

Стоп.

Я поймала собственную мысль за хвост.

Сколько именно я спала?

Критическое мышление включилось сразу и без предупреждения.

Если Аркадий Львович находился здесь в таком виде, да ещё и спал рядом, словно охранял меня лично, значит, речь шла не о паре часов.

Пара часов не превращает юриста в потрёпанного сторожевого пса.

Минимум три дня.

Аркадий Львович уже собирался сорваться с кровати. Видимо, звать Веславу, весь медицинский состав, храмовый отдел и кого-нибудь ещё для полного комплекта.

Рефлекс сработал раньше.

Я схватила его за шиворот и свободной рукой закрыла рот.

— А теперь выдыхай, — сказала я.

Он замер.

— Выдыхай, — повторила я.

Аркадий Львович мотнул головой, затем прикрыл глаза.

Дыхание постепенно выравнилось.

Сердце перестало колотиться как набат.

Я подождала ещё немного.

— А теперь шёпотом. Чтобы сюда не влетел весь домашний отдел. Сколько я спала?

Аркадий Львович открыл глаза.

Закатил их.

Я убрала ладонь.

— Лена, ты была без сознания неделю.

Я моргнула.

— Не игровую, — добавил он. — Реальную.

Теперь перекосило меня.

Неделя.

Реальная.

Игровой месяц неучтённых дел.

Господи, какой кошмар.

И я даже не знала, что хуже: то, что всё это время валялась без сознания, или объёмы документации, которые уже ожидали меня вместе с Мухой-Секретарём, Консультантом и остальным авралом, возникшим из-за «синхронизации».

Архив открыли.

Доступ не выдали.

Хозяйку положили спать.

Очень разумная система.

Я её уже ненавидела.

— Лен, я так испугался, — тихо сказал Аркадий Львович. — Мы все испугались. Дети в реальности ждут от меня сообщений. Здесь все на ушах стоят. Никто не понимает, что с тобой и когда ты очнёшься.

Я внимательно посмотрела на него.

— То есть без генерального директора тонете?

Форс-Мажор немедленно принял стойку профессионала.

— Нет, конечно. У нас на это налаженная система.

Вот теперь стало легче.

Кто за что отвечал, я знала и там, и здесь. Полномочия были распределены. Ответственные назначены. На случай отсутствия начальства существовали люди, которые умели не бегать кругами и не поджигать здание вместе с документами.

Аврал под названием «начальница исчезла, не выходит на связь и, возможно, никогда уже не выйдет» перестал быть катастрофой библейского масштаба.

Осталось неприятное недоразумение.

Но предусмотренное.

Я тихо рассмеялась.

Совсем слегка.

Вся картина промелькнула перед глазами: дети в реальности, дом на ушах, Веслава, жрицы, Консультант, Муха-Секретарь, Аркадий Львович у кровати и я посередине всего этого — выпавшаяся, довольная и чувствующая себя лучше, чем до потери сознания.

Они действительно беспокоились.

Сильно.

Но сейчас это совершенно не вязалось с моим прекрасным настроением.

От слова совсем.

— Лена, смешного ничего нет...

Договорить он не успел.

Я снова закрыла ему рот рукой.

Аркадий Львович затих.

— Помнишь наш разговор, пока мы спускались по лестнице в храм?

Зрачки Форс-Мажора расширились.

Вспомнил.

Это было видно сразу.

И ещё было видно, что вопрос полностью соответствовал его нику. Форс-мажор. Неожиданное обстоятельство, на которое ответ вроде бы имелся, но прямо сейчас его никто не ожидал.

Он медленно кивнул.

Я улыбнулась.

Так же медленно начала опускать руку.

— Так вот. Велено повторить.

Несколько секунд никто из нас не двигался.

Потом Аркадий Львович осторожно отвёл мою ладонь от своего рта, но не отпустил.

— Возражения есть? — спросила я.

— Ни одного.

И на этот раз первым поцеловал он.

С этого мгновения глаза и уши мёртвого персонала были вынуждены срочно потерять служебную наблюдательность.

Не видеть.

Не слышать.

Отвернуться.

Выйти за дверь.

Закрыть её с другой стороны и не возвращаться без отдельного распоряжения.

А перед уходом не забыть устроить магическую шумоизоляцию.

Остальное осталось в комнате.

Не потому, что я забыла.

Как раз наоборот.

Просто некоторые события не предназначены для общего отчёта.

Могу сообщить только итог.

Примерно через пять часов дверь открылась.

Мёртвый персонал с образцовой исполнительностью изучал стены. Живые жильцы особняка внезапно вспомнили о неотложных делах в других помещениях.

А я вышла к ним ещё более счастливой и ещё более довольной, чем проснулась.

Списать моё настроение на грушу, синхронизацию или прилив божественной энергии уже не получилось бы при всём желании.

Уж очень много у меня накопилось вопросов личного характера к Юристу.

Каждый требовал отдельной консультации.

Проверку Юрист прошёл.

С запасом.

Глава 2. Дубовые груши

Выйдя из комнаты, я осознала одну маленькую вещь.

Точнее, совсем не маленькую.

Вполне внушительную.

И ведь столько лет находилась рядом. Буквально под рукой. А я, занятая отчётами, холдингами, детьми, чужими миллионами и спасением миров, даже не удосужилась провести нормальную инвентаризацию.

Некоторые активы следовало вводить в эксплуатацию гораздо раньше.

Лет на двадцать.

Юрист вышел следом, поправил очки и воротник.

Совещание прошло успешно.

Вопросы были решены.

Но ревизию, безусловно, следовало провести ещё раз.

Для подтверждения результатов.

Стоило мне появиться в коридоре, как добрая половина дома насторожилась, а затем повыскакивала из комнат.

Первым выбежал Баламут.

Следом на правах взрослого вышел Харон. На голове у него в стиле тюрбана красовалась золотая змея. Судя по тому, как спокойно она устроилась вокруг его макушки, временный головной убор полностью устраивал обе стороны.

Артемиды спала.

Харон нёс.

Семейные отношения налаживались.

Муха-Секретарь уже сидела на стене и терпеливо ожидала своей очереди к телу хозяйки.

— Ой. Это я вслух подумала? Нет. На аудиенцию к начальству.

Аркадий Львович прочистил горло.

Вот что значит слишком резко вернуться от личного к рабочему.

Гонца за Веславой уже отправили, а пока она шла, мне выдали краткий отчёт о пережитом без начальства месяце.

Ничего критического не произошло.

То есть город стоял.

Дом тоже.

Дети были живы.

На фоне последних событий это уже тянуло на выдающиеся показатели.

Имелось лишь одно небольшое осложнение.

Постник третий день сидел на шпилье жреческих хором, обеими руками обнимал громootвод и отказывался спускаться.

Его приманивали едой.

Уговаривали.

Обещали защиту.

Грозили отвести к маме.

После последнего предложения он вцепился в громootвод ногами и потребовал не вмешивать родных в служебный конфликт.

Причина конфликта обнаружилась быстро.

Последним открытым навыком Постника оказался «Призыв высшего суккуба».

Система ещё тогда предупредила:

«Вы призвали высшего суккуба.

Вы ей нравитесь».

Сначала призванная дама целую неделю его игнорировала.

Постник уже решил, что опасность миновала, молитвы услышаны, а навык, возможно, попался бракованный. Потом дама явилась, внимательно на него посмотрела и сообщила, что он ей всё-таки нравится.

После чего схватила за ногу и унесла в сторону лесов.

Последняя запись трансляции представляла собой чёрный экран и голос человека, который за несколько минут пересмотрел отношение к женщинам, природе и современной технике.

— Помогите! Хулиганы зрения лишают! И не только зрения! Нет, это моё, не трогай! Мама! Мама, я больше не хочу смотреть на виды! Мама, заberi меня обратно! Отключите кто-нибудь эту дурацкую капсулу! Помогите! Нет, это трогать не надо! Куда?! Руки! А-а-а!..

После этого связь оборвалась.

Вернулся он примерно через полторы игровые недели.

Сам.

Молча прошёл через город, забрался на шпиль и объявил, что жрицы лучше, мама была права, а все прочие женщины только пользоваться и умеют.

К слову о пользе.

Энергетические накопления Постника оказались пусты.

Под ноль.

Призванная дама повела себя как обычная брачная аферистка: вошла в доверие, получила полный доступ к энергетическому счёту и вывела всё до последней единицы резерва.

Хорошо хоть кредит не оформила.

Пока.

— А снять его никто не пробовал? — спросила я.

— Пробовали, — сообщил Харон.

— И?

— Кусается.

Я посмотрела в окно.

Шпиль отсюда был не виден.

И хорошо.

Некоторые сотрудники лучше выполняли свои обязанности на расстоянии.

Баламут как был восьми лет отроду, так восьми и остался. Игрушки у него немного изменились, обычного сидра теперь влезало больше, а сам он почти не вылезал из кузницы.

Кстати, о кузнице.

Наш Ювелир не входил в игру полтора реального дня.

По местному времени прошло ровно шесть суток.

Почти неделя, за которую кузнец успел подготовиться к встрече ученика основательно и с любовью.

Говорят, когда Чёрный Шип появился в кузнице, мастер долго на него смотрел.

Потом долго хмурился.

Потом ещё немного смотрел и хмурился одновременно.

И наконец выдал веник.

Улицу после полёта щита к тому времени уже расчистили. Каменную кладку восстановили, повреждённые здания тоже. Поэтому наказание вышло не слишком суровым.

Тем более наш отдел выплатил дополнительную премию материалами.

Возмещение ущерба в натуральной форме кузнец принял охотно. Отрабатывать моральный вред всё равно пришлось отдельно.

А когда Чёрный Шип получил причитающуюся ему награду и обнаружил у себя тридцать третий уровень, мастер закрыл его в кузнице и заставил постигать какое-то очень древнее и хитрое искусство.

Постижение продолжалось до сих пор.

Говорили, что из кузницы временами доносился шёпот, будто один человек разговаривал сам с собой.

Те, кому возраст позволял помнить нужную историю, могли различить протяжное:

— Моя прелесть...

А потом слышался смешок.

Самое неприятное заключалось в том, что «прелесть» звучала вдвойне.

Ювелир и кузнец в две глотки зазывали нечто в наш мир.

Что именно, никто пока не знал.

Я мысленно поставила на донесении печать.

Спелись.

Ждём.

Семейный отдел тоже не простаивал.

Даша и Стас переехали к Павлу.

Сначала заняли разные комнаты.

Потом одну.

Павел, как ответственный старший брат, однажды встал в дверях и осторожно спросил:

— У вас там что-то серьёзное?

— Не ваше дело.

Даша захлопнула дверь перед его носом и повернула ключ.

Видимо, серьёзнее уже некуда.

Павел пожал плечами и решил, что ситуация примерно на уровне детского сада. Сестра когда-то точно так же запирала от всех игрушки.

Оставалось надеяться, что Стас не игрушка.

И что он останется жив.

Дальше пошли дела компании.

В нескольких странах уже нашлись возможные инвесторы. Пока без официальных заявлений, общего шума и торжественного дележа будущей прибыли, которой ещё никто не видел, но все уже мысленно потратили.

Моя небольшая кома отняла время.

Не впусую.

Но и не настолько продуктивно, как мне хотелось бы.

Полный отчёт решили представить лично. Дети пока оставались вне игры: продолжались переговоры по расширению производства и обновлениям.

Я вспомнила о Ярославе.

Та продолжала стабильно вести трансляции вместе с тем самым молодым человеком, который изображал Павла. Псевдо-Павел сегодня задерживался в городе допоздна.

У него была важная встреча.

Личного характера.

Подробностей мне не дали.

Вероятно, берегли моё только что восстановленное здоровье.

Или своё.

Пока я решала, кого именно, в коридоре послышались шаги.

Веслава вошла первой.

За ней появился наш новоиспечённый Царь Севера.

Похоже, возвращённая память пошла ему на пользу.

Раньше он добродушно молчал и временами смотрел на окружающих так, словно сложные мысли догоняли его пешком. Теперь же перед нами стоял весёлый рыжебородый мужчина, довольный жизнью, собой и тем, что снова понимал причины хотя бы части происходящего.

Настоящая душа компании.

Особенно если компания состояла из древних богов, мёртвых сотрудников, одной мухи, золотой змеи и руководителя, только что вернувшегося из недельной комы.

— Игорь, — представился он и широко улыбнулся.

Я посмотрела на Веславу.

Та кивнула.

— Просто Игорь?

— Просто. Хотя на Севере меня успели записать Ингварром.

— Почему Ингварром?

Он вздохнул с выражением человека, которому предстояло объяснить старую ошибку в документах.

— Да не могли они Игоря выговорить. Долго мучились, потом переделали под себя. Получился Ингварр. Я там редко бывал, а когда пришёл снова, моё имя уже обросло таким количеством подвигов, родословных и песен, что спорить было поздно.

— И ты оставил как есть?

— А чего людей расстраивать? Старались.

Он развёл руками.

— Так и осталось: там я Ингварр. А вообще Игорь.

Вот так и рождаются легенды.

Кто-то не расслышал имя.

Кто-то постеснялся переспросить.

А через несколько поколений у тебя армия, трон, хор и два ворона.

— А борода тоже вместе с именем появилась? — спросила я.

Игорь погладил её.

— Можно сказать и так. Пока меня не было, Ингварр успел обрасти не только песнями, но и подходящим обликом. Когда я вернулся, проще оказалось соответствовать, чем объяснять каждому встречному, почему легендарный царь пришёл без бороды.

Он выбрал путь наименьшего сопротивления.

И наибольшей растительности.

Веслава обняла меня, затем отстранилась и внимательно осмотрела.

— Теперь здорова.

— Хотелось бы.

— Нет. Теперь здорова.

В её исполнении это прозвучало не как предположение, а как результат проверки.

Потом она задумалась.

— Только сила твоя опять часть города задела.

Я медленно повернула голову к окну.

— Насколько задела?

— Выросло кое-что.

— Что именно?

— Часть улицы. Несколько зданий. Храм. Немного деревьев.

— Немного — это сколько?

— Мы не считали.

Прекрасно.

Когда древние боги говорили «немного», бухгалтер во мне начинал искать акты приёмки, оценщика и запасной огнетушитель.

— А ещё у нас теперь дубовые груши, — добавила Веслава.

Я замерла.

В голове немедленно возник плод, которым можно было убить человека с тридцати шагов, снести ворота с двадцати и при удачном попадании остановить конницу.

— Насколько дубовые?

— Обычные.

— Обычные дубовые?

— Груши растут на дубе.

А.

Тогда ладно.

Внутренний кладовщик обрадовался новому виду продукции.

Внутренний бухгалтер обрадовался сильнее.

Денежки.

Перспективы.

Неизвестный лечебный эффект.

И возможность продавать плоды с дерева, которое само себя отремонтировало после смены породы.

Публичное сожжение дуба отменялось.

Исправился.

— В храм уже спускались? — спросила я.

— Спускались, — ответила Веслава. — Там теперь процессия.

— Какая ещё процессия?

Игорь поднял палец.

— Это после «ой».

В комнате стало тихо.

Я очень не любила, когда древний бог, недавно вернувшийся с Севера и получивший обратно память, описывал произошедшее словом «ой».

Обычно за таким «ой» следовало составлять комиссию.

Иногда посмертно.

Выяснилось, что Игорь принёс со своего сервера ещё один обломок меча.

На этом разумная часть поступка закончилась.

Пока я спала, обломок решили показать дереву.

Потом что-то вспыхнуло.

Кто-то сказал «ой».

И храм самостоятельно доукомплектовался.

В нём появились служители с кадилами. Не пришли через дверь, не спустились по лестнице и не были приняты по штатному расписанию.

Просто появились.

Сразу процессией.

Видимо, храм решил, что раз начальство без сознания, отдел кадров можно временно заменить чудом.

А снаружи, возле дерева, возник камень с надписью:

«Только истинный хозяин сущего может получить благословение Севера и вернуть свой меч».

Сначала все решили, что речь об Игоре.

Царь Севера имелся.

Благословение Севера тоже звучало по его ведомству.

Обломок принёс он.
Логика закрывалась почти идеально.
Потом надпись перечитали.
Ещё раз.
И ещё.
Игорь оказался не получателем, а, похоже, источником благословения.
Меч тоже был не его.
Зато сам обломок удалось опознать.
Меч Валхаллы.
Звучало торжественно.
Дорого.
И крайне неприятно для будущих ответчиков.
Кто именно являлся истинным хозяином сущего, надпись предусмотрительно не сообщала.
Правильно.
Зачем упрощать жизнь руководству, когда можно выдать загадку на камне и торжественно замолчать?
— Где обломок? — спросила я.
Игорь указал в сторону выхода.
— Во дворе. Рядом с камнем.
Я оглядела собравшихся.
Секретарь на стене расправила крылья.
Баламут перестал делать вид, что его здесь нет.
Харон осторожно придержал золотую змею на голове.
Аркадий Львович снял очки, протёр стекла и надел обратно.
Признак серьёзности ситуации.

Мы отправились во двор.
На пороге меня поймало чувство дежавю.
Совсем недавно мы уже выходили к этому дереву примерно тем же составом.
Тогда у меня в руках был ларец.
Теперь ларца не было.
Зато Аркадий обнял меня со спины и слегка навис, положив подбородок почти над моей макушкой.
Я остановилась.
Остальные тактично продолжили путь.
Даже Баламут.
Подозрительно быстро.
— Лен, я знаю, что тебе бесполезно говорить, — тихо произнёс Аркадий, — но это уже игры по-крупному. Такие же опасные, как святые девяностые.
Я положила ладонь поверх его руки.
Святыми девяностые называли обычно те, кто сумел их пережить, сохранить имущество и не отвечать на лишние вопросы.
Мы с ним подходили по всем трём пунктам.
— Знаю, Аркаш. Знаю. Вот поэтому мы будем строить новый штат и пользоваться любой возможностью.
— Слово «пользоваться» после сегодняшней ревизии звучит неоднозначно.
— Это хорошо. Значит, ревизия была качественной.
Он тихо рассмеялся мне в волосы.

Я позволила себе несколько секунд просто постоять в его руках.

Потом посмотрела на дуб.

Между ветвями висели самые настоящие груши.

Под ними, у нового камня, ждали остальные.

Рядом из земли торчал обломок меча, который обещал благословение, истинного хозяина сущего и новые неприятности.

Всё как обычно.

— Нам пора на ту сторону, — сказала я. — До того, как мы устроим здесь апокалипсис с полным хозяйственным обеспечением. Нужно выяснить, сколько ключей осталось на светлой территории.

Аркадий перестал улыбаться.

— И где их искать?

— Кажется, я знаю.

— Откуда?

Я прислушалась к едва заметному движению внутри.

Серое ядро молчало.

Кольца вращались.

А где-то глубже золотые, чёрные, красные и редкие белые буквы складывались во что-то, чего я пока не умела читать.

Но направление чувствовала.

— Кажется, мой Архив ощущает ключи.

Аркадий поцеловал меня в макушку.

— Хорошо. Тогда я подготовлю дело.

— Какое?

— Судебное. Раз уж мы идём на светлую территорию, надо заранее оформить основания. У меня как раз новый свод законов и правил появился.

— И что будет с ответчиками?

— Засудим и обдерём как липку.

Я посмотрела на дуб.

— Как дубовую грушу.

— Если понадобится.

— Живыми они не уйдут?

Юрист немного подумал.

— Лен, после полного взыскания это будет уже вопрос терминологии.

Вот за это я его и ценила.

В том числе.

Я улыбнулась, сжала его ладонь и потянула за собой.

— Пойдём. Мы их и так заставили долго ждать.

Вблизи обломок выглядел ещё менее убедительно.

Он был воткнут в землю рядом с камнем под небольшим углом и напоминал следствие неудачного знакомства стекольщика с кузнецом.

Полупрозрачный.

Розоватый.

Местами молочный.

И непонятный настолько, что признать в нём часть легендарного оружия можно было только после официального уведомления.

Мне вспомнились король Артур и Камелот.

Но не совсем.

Там хотя бы меч был целый.

А здесь из земли торчала какая-то полустеклянная розовая штуkenция, попытка вытащить которую голыми руками обещала лишение двух конечностей сразу.

И это ещё при благоприятном исходе.

Я задумалась.

Но думать получилось недолго.

Из глубины храма донеслось пение.

Сначала один голос.

Потом второй.

Следом вступили остальные, и наружу медленно вытянулась вся появившаяся без нашего разрешения процессия.

Впереди шёл жрец.

За ним служители.

Кадила раскачивались в едином ритме, дым стлался между ними, а пение становилось громче с каждым шагом.

Они посмотрели на меня.

Потом на обломок.

Потом на Аркадия.

Снова на меня.

И помахали кадилом прямо перед моим лицом.

Я закашлялась.

Какая гадость эта ваша заливная рыба с дымом.

Откашлявшись, я отступила на шаг.

Главный жрец повернулся к Игорю.

— Благословляй.

Игорь вылупил на него как баран на новые ворота.

Постоял.

Подождал, не появится ли пояснение.

Не появилось.

— Кого?

Жрец указал сначала на меня, потом на Аркадия.

— Их.

Игорь послушно повернулся к нам.

— Благословляю.

Жрец немедленно пнул его по коленке.

— Не так. Ещё раз.

Игорь удивлённо посмотрел вниз.

Потом на жреца.

Потом на Веславу.

Веслава не шевельнулась.

По её лицу было видно: она выбирала между тремя вариантами.

Спасти мужа.

Придушить жреца.

Потерпеть и посмотреть, чем закончится.

Победил третий.

Жрец с кадилом всё ещё оставался жив.

— Благословляю, — повторил Игорь громче.

Новый пинок.

— Полную фразу.

— Какую полную?

Жрец тяжело вздохнул.
Дальше всё повторилось ещё несколько раз.
Игорь добавлял громкость.
Торжественность.
Выражение лица.
Один раз даже поднял руку.
Жрец исправно бил его по коленке и требовал начать сначала.
На пятом повторе процессия пела уже тише.
Видимо, тоже устала.
Наконец жрец подозвал Игоря и прошептал ему что-то на ухо.
Лицо Царя Севера прояснилось.
Он чуть не хлопнул себя ладонью по лбу.
Сам же правитель.
Сам же принёс обломок.
Сам же должен был благословить.
Оставалось догадаться, что система хочет не одно слово, а полностью заполненный документ.
Игорь расправил плечи.
Голос стал ниже.
Тот самый голос, под который хорошо выступать перед армией и плохо находиться по другую сторону поля.
— Властью, данной мне как правителю Севера, благословляю этих двоих на будущие подвиги. Отныне можете слиться воедино.
Повисла тишина.
Фраза прозвучала двояко.
Настолько двояко, что нас будто только что поженили без заявления, паспортов и возможности обжаловать решение.
У меня дёрнулся глаз.
У Аркадия тоже.
У Веславы дёрнулись оба.
Игорь медленно покраснел до ушей.
Впервые я подумала:
Слава богу, моих здесь нет.
Дети ещё не успели войти в игру.
Иначе благословение пришлось бы сопровождать семейным советом, объяснительной и, возможно, повторным совещанием за закрытой дверью.
Муха-Секретарь справилась хуже.
Она сорвалась с ветки и упала на землю рядом с обломком.
Дебет и Кредит как раз возвращались с разведки.
Обе костяные крысы посмотрели на нас, запнулись друг о друга и прокатились кубарем следом.
Посмотрели.
Приняли к сведению.
Разобрались.
В буквальном смысле.
Придётся собирать заново.
Дебет отделять от Кредита.
Кредит — от Дебета.
Бардак.

Под ногами дрогнула земля.
По стволу дуба пробежал золотистый свет.
Из коры вылетел второй обломок.
Тот самый, что раньше ударил в грушу и превратил её в дуб.
Воткнутая возле камня полустеклянная штуkenция рванулась ему навстречу.
Оба фрагмента столкнулись в воздухе.
Розово-золотая вспышка заставила всех зажмуриться.
Я успела увидеть, как линия излома между частями наливается светом, стягивается и исчезает.
Через мгновение перед нами висел целый меч.
Он медленно развернулся.
Опустился рукоятью ко мне.
Я протянула руку.
На этот раз хвататься голыми руками предлагали за место, специально для этого предназначенное.
Уже прогресс.
Пальцы сомкнулись на рукояти.
Меч оказался длинным и строгим.
Узкое прямое лезвие выглядело не выкованным из металла, а отлитым из молочно-прозрачного стекла. Внутри него от гарды к самому острию тёк мягкий розово-золотой свет.
Не вспыхивал.
Не бил по глазам.
Жил под прозрачной поверхностью.
Тёмная гарда расходилась от рукояти плавными дугами, похожими одновременно на лепестки и сложенные крылья. Никакой тяжёлой резьбы, камней размером с грушу и прочей попытки доказать цену оружия ещё до первого удара.
Красота была в самом клинке.
Холодная.
Светлая.
Перед глазами развернулось сообщение.
«Поздравляем!
Вы обнаружили северное сокровище:
Меч Валхаллы.
Воины Валхаллы признают ваше право командования.
Армия Севера передана под ваше начало.
Правитель Севера включён в состав вверенных сил.
Враги Севера будут наказаны».
Я медленно подняла глаза на Игоря.
Он тоже прочитал.
Особенно внимательно — строку, в которой его передали вместе с армией.
— Не переживай, — сказала я. — Командование не означает обязательного личного присутствия. Можешь выдохнуть. От жены тебя никто не забирает.
Игорь выдохнул.
— А вот жену при желании можешь оформить с собой.
Глаза Веславы задёрнулись вразнобой.
Непонятно было только, что именно ей не понравилось.
Прогулка с нами в поход.
Или то, что её самоназначили в походный состав без её ведома.
Система тем временем выдала второе сообщение.

«Умения меча и эффекты недоступны.
Обратитесь к Ювелиру для зачарования предмета».
Я посмотрела на прекрасное северное сокровище.
Потом в сторону кузницы.
Наш Ювелир сейчас находился там.
Заперт.
Осваивал древнее искусство.
Вместе с кузнецом звал в этот мир какую-то «прелесть».
Отлично.

Оставалось понять, получится ли вытащить его из кузницы до того, как он вытащит оттуда что-нибудь ещё.

И тут я вспомнила старое поручение.
Когда Чёрный Шип вошёл в гильдию, я приказала охране отыскать его в реальности.
Тихо.

Без шума.

Приказ был.

А вот доклада о его исполнении я не помнила.

— У нас есть подтверждённый адрес Чёрного Шипа в реальности?

Уверенного ответа не последовало.

Значит, вопрос всё ещё висел.

— Проверить старое поручение. Если адрес не установлен, установить срочно. Отправить наших и найти. Так же тихо, без шума.

Аркадий Львович кивнул.

— Проверю.

— И второе. В реальности поднять документы по дому, в котором находится моя городская квартира.

Аркадий посмотрел на меня поверх очков.

— Уже?

— Уже поздно.

В этом доме у меня был выкуплен целый этаж с большой квартирой.

После моей смерти всё отошло сыну.

Только он там не жил, поэтому этаж всё это время честно простаивал.

Потом случился пожар.

Квартира перестала быть просто квартирой, а этаж превратился в штаб-квартиру.

Теперь в ней жили Стас, дочь, Юрист и сын.

Четыре взрослых человека.

Плюс капсулы.

Плюс дела компании.

Штат мы ещё не набрали.

Но собирались.

Ярослава жила недалеко от дома Павла в элитном посёлке.

Пожар прошёл слишком близко к тому району.

Оставлять её там после случившегося было глупо.

Теперь её можно было переселить в этот же дом, только на другой этаж. Павел — на одном, Ярослава — на другом.

Слухи об их романе получают такое подкрепление, что объяснять что-либо станет окончательно бесполезно.

Ничего.

Слухи переживём.

Зато нам будет спокойнее.

Ювелира требовалось найти и перетащить поближе.

А главное — снять Постника со шпилья.

Он тоже числился активом. Причём активом самостоятельным, кусачим и временно обнимающим громоотвод.

Вероятность того, что в скором времени Постник переедет в одну из наших квартир, становилась всё выше.

Будем формировать штат.

Укомплектовывать.

Темп намечался такой, будто за каждого нового сотрудника нам обещали вторую жизнь.

Хотя вторую жизнь нам как раз уже выдали.

Расширенную жилплощадь к ней не приложили.

— Выкупить следующий этаж, — сказала я. — Лучше несколько.

Аркадий задумался.

— Несколько?

Я прикинула скорость укомплектования штата.

— Хотя нет. Посчитай всё здание целиком. И соседнее тоже проверь. Нам понадобится отдельная площадь для собственных нужд и собственного штата. Людей и капсулы надо держать поближе.

Аркадий медленно кивнул.

На этот раз спорить он не стал.

Юрист умел считать перспективу.

Особенно когда перспектива требовала скупать недвижимость этажами.

Я потянулась к Архиву внутри себя.

Кажется, у нас назревала ещё одна пати.

Та, которая сможет отвечать за дела в наше отсутствие.

Состав ещё предстояло определить.

Но отчёт по многим пунктам я буду принимать лично.

Глава 3. Печать поставлена

Меч мы рассматривали уже все вместе в кабинете.

Все — это дети, Стас, Аркадий Львович, я и часть домашнего отдела, которая сумела просочиться внутрь под видом мебели, охраны и крайне нужных свидетелей.

Павел вошёл в игру первым.

Увидел меня.

Подошёл.

И молча обнял.

Он вообще был молчалив. Но так, чтобы пять минут подряд стоять посреди кабинета, обхватив мать обеими руками и не обращая внимания на окружающих, — это у него случилось впервые.

Я погладила сына по голове.

Павел не отпускал.

За его плечом замерла Даша. По лицу дочери можно было прочесть сразу две мысли.

Первая: «Я же говорила».

Вторая: «Мама просто так не сдаётся».

После того, что уже однажды произошло в реальности, повторного исчезновения она, видимо, не допускала даже теоретически. Скорее уж я заберу с собой весь сервер, оформлю как движимое имущество и поставлю на баланс в другом мире.

Оптимистка.

Мне понравилось, что она так сильно в меня верит.

Стас тоже выдохнул.

Похоже, всё время моего отсутствия именно он пытался лавировать между Юристом, Павлом и Дашей, попутно сохраняя себя. Работа неблагодарная. Особенно если учесть, что Даша уверена в моей неубиваемости, Павел молчит и хмурится, Аркадий Львович требует фактов, а сам Стас хотел бы дожить до момента, когда ему перестанут задавать вопросы сразу с четырёх сторон.

Наконец Павел отпустил меня.

Осмотрел.

Убедился, что я стою, дышу и не собираюсь немедленно проваливаться в очередной храм.

И только после этого кивнул.

Проверку я прошла.

Даша тут же переключилась на меч.

Меч Валхаллы лежал на столе, занимал большую его часть и выглядел так, будто считал стол временной и совершенно недостойной подставкой. Молочно-прозрачный клинок удерживал внутри мягкий розово-золотой свет. Тёмная гарда расходилась лепестками, похожими то ли на сложенные крылья, то ли на предупреждение не трогать руками.

Даша наклонилась ближе.

— Сваровски бы позавидовал.

Павел промолчал.

Стас осторожно уточнил:

— Это хорошо?

— Это дорого, — ответила дочь.

Вопрос был закрыт.

Мы ещё немного покрутили северное сокровище, почитали недоступные свойства и пришли к единственному разумному выводу.

Диковинку следовало нести в кузницу.

Туда, где находился Ювелир.

Туда, откуда уже несколько дней доносилось сдвоенное «моя прелесть».

Именно поэтому пошли все.

В одиночку к таким звукам отправляют только проверяющих, которых не жалко. А мы своей организационной структурой пока дорожили.

По дороге к кузнице увидели Постника.

Точнее, сначала увидели толпу внизу.

Потом задранные головы.

Потом шпиль храма Веславы.

И уже на самом верху — две белые от напряжения руки, намертво обхватившие громоотвод.

Остальная часть Постника пряталась за ним.

Получалось не очень.

— Он всё ещё там? — спросила Даша.

— Третий день, — ответила я.

Дочь посмотрела на брата.

Павел посмотрел на сестру.

Потом оба посмотрели на Стаса.

Стас понял всё без слов и тяжело вздохнул.

— Снимем, — сказал он.

Даша довольно улыбнулась.

Постник наверху почувствовал неладное.

— Не подходить! — донеслось со шпиля. — Я предупреждаю! Я вооружён верой, стойкостью и тяжёлым жизненным опытом!

— Ты громоотводом вооружён, — крикнул кто-то снизу.

— Не мешайте человеку молиться! — возмутился Постник.

— Ты третий день одно и то же место молишь!

Даша со Стасом направились к храму Веславы.

Мы с Аркадием Львовичем и Павлом продолжили путь к кузнице. Но далеко уйти не успели.

Сначала за спиной всхлипнула женщина.

Потом мужчина.

Потом кто-то на соседней улице громко попросил прощения у покойной тётки, двух бывших жён и налоговой службы.

Я обернулась.

Над храмовой крышей разливался Дашин голос.

Бафф это был или дебафф, зависело от точки зрения. Для Постника — тяжёлая артиллерия. Для всех остальных — стихийное бедствие с музыкальным сопровождением.

Он держался.

Честно.

Вцепился в громоотвод руками, ногами и, подозреваю, последними остатками мужского достоинства.

Но слёзы заливали лицо. Сопли мешали дышать. Пальцы скользили.

Внизу рыдала площадь.

Через минуту к ней присоединилась соседняя улица.

Через две плакали уже несколько кварталов, включая людей, которые не знали, кто такой Постник, что он натворил и почему им внезапно так жалко его, себя и недоеденный завтрак.

Городская хроника получила новое событие:

«Снятие Постника со шпиля. Плакали все».

Название короткое.

Зато ни одного ложного свидетельства.

— Не отпущу! — рыдал Постник сверху. — Это моя последняя независимая высота!

Он попытался перехватиться поудобнее.

Не получилось.

Ладони уже скользили по металлу. Ноги поползли вниз. Постник дёрнулся, подтянулся обратно — и в этот момент ему в зад прилетела стрела.

— Да что же ты, ирод, делаешь! — завопил снизу какой-то игрок. — Я уже рыдать не могу! У меня здоровье от скорби заканчивается!

Судя по голосу, стрелял человек, достигший последней стадии эмоционального истощения.

Постник взвыл.

Разжал руки.

И снялся со шпилья сам.

Даша со Стасом подхватили его ниже, не дали размазаться по стене и понесли к жрицам.

Уносили Генерала Извращенцев под осуждающими взглядами города.

Взгляды были красными, опухшими и полными скорби, боли и страдания.

Кто-то попытался плюнуть вслед.

Слюны не хватило.

Постник больше на шпиль не полез.

Уже хорошо.

Дашу он теперь боялся заметно сильнее.

Когда процессия скрывалась за поворотом, до нас донеслось:

— Все вы, Дашки, одинаковые! Все бабы ду...

Постник осёкся.

Оглядел сопровождающих его женщин.

И закончил гораздо тише:

— ...духовно сложные личности.

В стане врага следовало молчать.

Инстинкт самосохранения у сотрудника всё-таки имелся.

Пока на крышах разворачивалось историческое событие, мы дошли до кузницы.

Оттуда действительно доносились странные звуки.

— Моя прелесть...

Голос был один.

— Моя прелесть...

Второй отвечал из глубины.

Я уже собиралась постучать, когда к сдвоенному шёпоту прибавился третий голос.

До боли знакомый.

— Я ваше пюре есть не буду! Котлеты давай! И сидр тёплый! Льда хочу!

Рука сама собой поискала малолетнюю задницу, на которой следовало провести внеплановый воспитательный процесс.

За ухом прожужжала Муха.

— Наказываем? Печать ставим?

Я покосилась на Секретаря.

— Какую ещё печать?

Ничего подобного в наших ведомостях я не припоминала.

Муха уже нырнула в щель под дверь.

Из кузницы донеслось:

— Ай!

Пауза.

— Ой!

Ещё пауза.

— Да за что?!

И контрольное:

— Ай!

Дверь распахнулась.

На пороге стоял Баламут.

На лбу у него красовалась надпись в прямоугольной рамке:

«НАКАЗАН».

Печать легла чуть набок. Точно так же ставят на некоторых документах пометку «СЕКРЕТНО», когда хотят, чтобы её увидели все присутствующие.

Муха вылетела следом.

Вид у неё был деловитый.

Она прочистила несуществующее горло, фыркнула, уселась мне на плечо и доложила:

— Оформлено.

Я посмотрела на Баламута.

Потом на несмываемую надпись.

И шёпотом спросила:

— Оформлено надолго?

В обычном мире за татуировку на лбу ребёнка меня ожидал бы целый каскад последствий. Опека. Полиция. Юристы. Врачи. Телевидение. Общественность. Диванные специалисты всех направлений.

Аркадий Львович стоял рядом.

От этого становилось только хуже.

Я сглотнула.

Захотелось прибить Муху.

Потом себя.

За нечётко поставленный вопрос.

— Срок сведения чернил от одного до трёх дней, — успокоила меня Муха. — Если не будет слушаться, можно продлить.

Баламут скривил рожицу.

Я попросила у всех доступных богов здоровья, крепких сосудов и вечного запаса магнезии в домашней аптечке.

Потому что штат ещё даже не был укомплектован.

А давление уже работало сверхурочно.

Мы вошли в святая святых.

В кузнице царил полумрак.

Горн дышал красным. На стенах висели инструменты. Воздух пах металлом, углём и тем особым вдохновением, после которого разумные люди сначала прячут ценности, а уже потом спрашивают, что происходит.

Кузнец стоял у верстака.

Глаза у него были безумные.

Рядом находился Ювелир.

Взгляд такой же.

Чёрную чёлку ему временно закололи заколкой в виде косы некроманта. От этого Чёрный Шип выглядел не менее опасно, зато впервые видел обоими глазами сразу.

Я прокашлялась.

На меня не обратили внимания.
Я прокашлялась ещё раз.
Громче.
На нас посмотрели.
Аркадий Львович поправил очки.
Баламут потёр печать на лбу.
Кузнец и Ювелир переглянулись.
Не знаю, что именно они увидели на моём лице. Или как мы в целом выглядели в их глазах: начальство с мечом, Юрист без настроения, наказанный бог и Муха с полномочиями.
Но кузнец указал пальцем на Ювелира.
Ювелир указал на кузнеца.
И оба синхронно выдали:
— Это он!
Что именно сделал «он», мы пока не знали.
Но поместили.
Внутри меня сформировалась служебная строка:
«Уровень призываемого существа: возможная катастрофа.
Раздача бонусных люлей ожидается».
Вслух я её не произнесла.
Пока.
Пройдя глубже в кузницу, я увидела щит.
Красивый.
Белый.
Вытянутый, чуть сужающийся книзу, с приподнятым остриём наверху. По краю шла тёмная металлическая окантовка с синим отливом, перехваченная круглыми накладками. В центре расходился сложный чеканный узор — многолучевой, почти звёздный. В самой его середине сидел небольшой камень, обведённый синей рамкой.
Щит выглядел торжественно.
Дорого.
И совершенно невиновно.
Последнее настораживало особенно.
Я присмотрелась.
Над предметом проступила надпись:
«Аббадон.
Наследник погибели».
Щит зашипел.
И я бы сказала, что он извивался, если бы у щита было тело.
По белой поверхности прошла волна. Центральный узор дрогнул. Камень вспыхнул, погас и снова вспыхнул, будто пытался устроиться внутри вещи поудобнее.
Откуда-то издалека донёсся голос:
— Балбесы! Куда вы камень положили?! Вы мне не туда силы добавили!
У меня дёрнулся глаз.
Юрист снял очки.
Это был очень плохой признак.
Кузнец и Ювелир одновременно пустились врассыпную.
— А ну стоять!
Скилл сработал сам.
Все мои скелеты разом встали у двери и сомкнулись полукругом. Выход исчез за белыми рёбрами, щитами и очень исполнительными лицами без единой лишней эмоции.

Кузнеца скрутили первым.

Дебет и Кредит прыгнули ему на спину и уселись сверху, прижимая возможного нарушителя спокойствия совокупным весом, должностным рвением и личной неприязнью к бегущим активам.

Ювелир почти добрался до дальней стены.

Почти.

Кровавые щупальца подхватили его за пояс и подняли под потолок.

Чёрный Шип повис над нами, покачиваясь рядом с цепями и инструментами.

Со стороны потолка слышалось:

— Не виноватая я, он сам пришёл!

Я протёрла ухо.

Показалось.

Сверху уже орали нормально:

— Я ни в чём не виноват! Меня заставили!

Кузнец под Дебетом и Кредитом возмущённо замычал.

Ювелир ткнул в него пальцем.

Кузнец, насколько позволяли две костяные крысы на спине, ткнул пальцем в ответ.

— Это он! — снова сказали оба.

Баламут сделал шаг назад.

Муха приподнялась на моём плече.

— Ещё печать ставим?

Я посмотрела на щит.

Щит зашипел.

Голос издалика снова обругал балбесов.

Потом я посмотрела на двух мастеров.

— Нет, — сказала я. — Сначала проводим инвентаризацию.

Аркадий Львович медленно протёр очки.

Павел встал рядом со мной.

Кузнец и Ювелир перестали показывать друг на друга.

Умные люди.

Быстро учатся.

Допрос прошёл с пристрастием.

Очень продуктивно.

И очень весело — если не учитывать мнение двоих допрашиваемых, одного временно отстранённого бога и щита, который время от времени недовольно шипел из угла.

За первые пять минут кузнец и Ювелир признались в ковке, отделке и безрассудном творческом поиске.

Первые два пункта им никто в вину не ставил.

С третьим предстояло разобраться.

Выяснилось, что древнее искусство создания по-настоящему великих вещей покоряется не каждому. Можно научиться ковать металл. Можно освоить чеканку, огранку и тонкую работу с камнем. Но чтобы зачаровать предмет, усилить его и получить звание истинного мастера, одного умения держать инструмент недостаточно.

Нужно было посвятить себя делу целиком.

Кузнец считал, что у Чёрного Шипа для этого есть все перспективы. Сказал он это с такой гордостью, будто лично вырастил Ювелира из слитка, закалил, отшлифовал и теперь предъявлял комиссии.

Ювелир под потолком просиял.

Кровавые щупальца от умиления не ослабли.

Обычно для завершения такой работы мастер обращался к светлым богам или иным существам, способным наполнить оружие силой, светом и словом.

Но возникла маленькая техническая проблема.

Для нашего региона любые светлые силы звучали как отключённый телефон.

Абонент временно недоступен.

Местами — временно заблокирован.

А кое-где, судя по всему, давно сменил владельца и просил больше не звонить.

И тогда на помощь мастерам пришёл третий.

С идеей.

Этим третьим оказался Баламут.

— А на кой нам вообще спрашивать светлых? — заявил он. — Давайте спросим черта.

В буквальном смысле.

Черта далеко искать не пришлось. Нашёлся он в лице Баламута. А за нашим восьмилетним владельцем «Филиала Ада и Ко» числился целый штат: суккубы, демоны и прочая нечисть. Все они проходили по его ведомости, а отдельные сотрудники с завидным постоянством проходились по Постнику.

Вообще-то мы это знали.

Постник молился Баламуту. А суккубы, рогатые и прочий адский отдел уже являлись к нам целой процессией.

Просто рядом с восьмилетним владельцем очень легко было забыть, сколько у него подчинённых и чем именно они занимаются.

Возраст владельца совершенно не совпадал с тематикой штата.

— И почему у тебя именно такой штат? — спросила я.

— Когда я был молод и богат... — начал он.

Потом посмотрел на своё нынешнее тело восьмилетнего мальчика.

Помолчал.

— Когда я был старше и мудрее, — исправился он, — я, как истинный ценитель красоты, клубной жизни, танцев, плясок и других увеселений, решил, что мне тоже нужен собственный клуб. В собственном мире. Со своим порядком и разными приятными ухищрениями.

— И создал ад?

— Люди его потом так называли, — оскорбился Баламут. — И сотрудников демонами. И сделки неправильными. Знать ничего не знаю. Контракты читать надо внимательнее. А непонятные пункты — уточнять.

Аркадий Львович очень медленно повернул к нему голову.

Баламут осёкся.

Кажется, до него только сейчас дошло, при ком именно он решил защищать договоры с мелким шрифтом.

Зная всю подноготную собственного мира, Баламут предложил заменить недоступную светлую сущность более тёмной.

Сила оставалась силой.

Свет из перечня услуг убрали.

А словом Аббадон пользовался щедро, громко и преимущественно в адрес тех, кто опять сделал что-нибудь не туда.

За каждый промах щит ругался так, что в горне осыпались угли.

Зато когда получалось хорошо, хвалил.

Одного короткого одобрения древней сущности хватало, чтобы оба мастера приходили в полный экстаз, хватались за инструменты и требовали дать им ещё немного поработать.

Почти закончили.

Оставалась самая малость.

Тютелька.

Всего лишь правильно поставить камень.

И они обязательно поставили бы.

Если бы мы не припёрлись.

Я посмотрела на камень.

Его уже аккуратно извлекли из щита и отложили на полку до выяснения всех обстоятельств.

Аббадон молчал.

У него отобрали самое главное.

Можно сказать, достоинство.

И теперь оно лежало отдельно.

На полочке.

Я представила, что случилось бы, опоздай мы ещё хотя бы на пять минут. Белые улицы исчезают вместе с игроками. Вместо моих скелетов по городу гуляют черти. Баламут становится заметно счастливее.

Последнее пугало сильнее всего.

Я сглотнула и поспешно закрыла этот внутренний прогноз.

Инициативу в свои руки взял Юрист.

Любой договор, любая сделка и любое дело с неочевидными последствиями были его родной стихией. На этом Аркадий Львович за годы практики собаку съел.

И, судя по количеству покойных и неупокоенных конкурентов, одной собакой не ограничился.

Баламута взяли в оборот.

Щит вместе с камнем отнесли подальше.

Договор на оказание услуг разобрали по пунктам, пересобрали и проверили ещё раз под очень пристальным взглядом Юриста.

С каждым новым уточнением Баламут грустнел.

С каждым исключением — ещё сильнее.

Хорошо, что мы успели.

Ещё немного — Баламут бы повеселел, а нам стало бы совсем плохо.

К концу обсуждения юридический документ надёжно защищал всех участников процесса.

Нас — от них.

Их — от желания снова проявить инициативу без предварительного согласования.

Кузнец, Ювелир и Баламут оказались немного урезаны в правах, зато город сохранял хорошие шансы остаться на прежнем месте.

Я сочла условия справедливыми.

Когда последняя формулировка была согласована, камень вернули в паз.

На этот раз — правильно.

Он лёг в синюю рамку легко, будто всегда находился именно там. По тёмной окантовке пробежала волна. Белая поверхность щита вздрогнула, натянулась и стала похожа не на металл, а на что-то живое, просто очень хорошо притворяющееся вещью.

Камень вспыхнул.

Аббадон зашипел.

Но теперь довольно.

Щит зажил собственной жизнью.

Такой, о которой нашим врагам лучше было не знать.

Щит медленно проследил за мной единственным глазом. Потом перевёл взгляд на Павла. На Баламуте задержался.

Тот отступил на шаг.

Судя по этому взгляду, возможность испепелить врага одним камнем перестала быть фигурой речи.

Перспективы у светлой стороны становились всё интереснее.

Меч Валхаллы.

Щит Аббадона.

И мы между ними.

А если уж враги идут к нам, то встречать их надо с почестями. А дальше пусть тлеют: пепел, в отличие от врагов, места занимает немного. И в хозяйстве пригодится — новым росткам на удобрение.

Мне понравился этот план.

Ювелир тем временем радовался так, что едва не выпрыгивал из штанов. Его наконец опустили с потолка, но он всё равно подпрыгивал на месте, смотрел на завершённый щит и повторял:

— Получилось. Получилось же!

Я подошла ближе.

Улыбнулась.

— Кстати, ты где, говоришь, в реале живёшь?

Вопрос прозвучал настолько невзначай, что Чёрный Шип, ещё не вышедший из творческого экстаза, радостно назвал всё.

Город.

Улицу.

Дом.

Квартиру.

Потом моргнул.

Ещё раз.

И наконец посмотрел на меня осмысленно.

Поздно.

— Ну что, касатик, жди, — сказала я. — К тебе уже выехали. Собирай чемодан. Ты переезжаешь.

Радость на его лице продержалась ещё несколько секунд.

Потом осторожно присела.

Вакансия нашла человека.

Человек об этом узнал последним.

Глава 4. Вахтовый метод

Ювелир был в шоке.

Родители Ювелира были в шоке.

В шоке была даже наша охрана, хотя этих людей, по моим наблюдениям, можно было удивить только внезапным отпуском и своевременно выплаченной премией.

Чёрный Шип ничем не отличался от себя в игре.

Совсем.

То же лицо. Те же чёрные волосы. Тот же взгляд человека, который мысленно уже что-то рисует, режет, шлифует и совершенно не замечает, что вокруг него разворачивается операция по переселению ценного специалиста.

Игрового персонажа он когда-то просто срисовал с себя.

Фантазии хватило на профессию.

Профессия, впрочем, тоже оказалась не фантазией.

В реальности у нашего Ювелира имелись профильные курсы, диплом, несколько собственных изделий, участие в выставках и неудачная попытка открыть мастерскую. Творить он умел. Продавать, рекламировать, договариваться с поставщиками и объяснять покупателю, почему именно эта вещь стоит дороже серийной подвески из торгового центра, — нет.

На этом его прежнее дело и закончилось.

Наше с этого только начиналось.

Парню объяснили причину переезда.

Потом объяснили условия работы.

Назвали оклад.

Показали перечень инструментов, которые готовы были предоставить ему и в игре, и в реальности.

И отдельно уточнили: компания согласна выкупать любые созданные им изделия.

Любые.

Даже те, которые прежние критики называли слишком странными, слишком сложными и рассчитанными на узкий круг ценителей.

Узкий круг ценителей мы ему обеспечим.

При необходимости построим вокруг него отдельный рынок и расширим круг административными методами.

Ювелир выслушал всё.

Подумал.

И отказался.

— Я никуда не поеду.

Начальник охраны посмотрел на него.

Ничего не сказал.

Просто посмотрел.

Ювелир ещё немного подумал.

— То есть мне понадобится время собрать вещи.

Умница.

Перспективный человек.

Ему любезно пояснили, что оклад, инструменты, выкуп всех работ и прочие бонусы пока сохраняются в полном объёме. Но при повторном отказе бонусная часть предложения может закончиться.

А переезд — состояться всё равно.

Просто так.

Без бонусов.
Родители посмотрели на сына.
Сын посмотрел на начальника охраны.
Начальник охраны не изменился в лице.
Вопрос решили единогласно.
Ювелиру выдали коробки.

Пока перевозили первый ценный кадр, я вспомнила, что штат у нас по-прежнему не укомплектован.

Один Ювелир погоды не сделает.
Даже если выдать ему все инструменты сразу.
Я потянулась к архиву и нашла наших бывших администраторов.
Тикет.
Крайний.
В реальности — Толя и Кирюха.

Архив напомнил: искать их по прежним адресам бесполезно. Сразу после раскрытия лиц обоих вывезли из съёмных квартир в закрытый объект вместе с вещами и капсулами. Сами квартиры давно погибли в тщательно организованных пожарах.

Повторно прятать их смысла не было.
Теперь нам требовалось не скрытое место.
Нам требовался штаб.

В городском доме мы уже успели частично выкупить дополнительные площади. Этажи оформлялись, квартиры освобождались, документы догоняли решения с той скоростью, которую обеспечивают деньги, связи и Юрист, не любящий слово «невозможно».

Я распорядилась срочно оформить ещё несколько квартир.
Где нужно — задним числом.
Где нельзя задним — очень быстрым передним.
И перевезти обоих программистов в штаб-квартиру.
Дорого.

Но деваться было некуда.
Штат комплектовался быстрее, чем освобождалась жилплощадь.
Деньги будут позже.

Мы на этой покупке ничего не потеряем. Даже приобретём. То, что и так собирались выводить на рынок, продадим втридорога и спокойно закроем расходы.

Аркадий Львович кивнул с видом человека, полностью согласного с расчётом.
Он слишком хорошо знал, как я веду дела.

Если я говорила, что прирост будет в десять раз больше, значит, покупать можно было не только оставшуюся часть здания.

Можно было брать соседнее.
И ещё с десятков поблизости.

Баланс не просядет.
Только район слегка сменит владельца.

Так за один день в нашу штаб-квартиру перевезли двух программистов и одного наипрекраснейшего Ювелира.

Три новых жильца.
Три комплекта вещей.
Три капсулы.

И множество вопросов, которые охрана предусмотрительно направила в юридический отдел.

Последним в текущем списке на переселение оставался ещё один наш сотрудник.
С ним возникла одна большая загвоздка.

Мама.

Постник оказался постником почти во всех смыслах.

Он жил с матерью и отцом.

Но, судя по комментариям, сводкам и внутреннему устройству семьи, по большей части он жил с мамой.

Только с мамой.

Для мамы.

И исключительно с её одобрения.

Мне вспомнилась еврейская мама из старых анекдотов Романа Трахтенберга.

Царство ему небесное.

Весёлый был человек.

Не знаю, имела ли мать Постника какое-нибудь отношение к тем героиням по происхождению. Но по должности, полномочиям и радиусу материнского контроля совпадение выходило почти полным.

Женщин Постник не любил.

К себе не подпускал.

На километр.

Единственным исключением была мама.

Теперь становилось окончательно понятно, почему в игре он выбрал именно такой сан. Пожизненное воздержание, молитвы по расписанию и келья без посетительниц были не ограничением класса.

Это был привычный образ жизни с красивой системной рамкой.

Его состояние при виде жриц Веславы тоже получало объяснение.

При виде суккубов — тем более.

Для изъятия Постника пришлось подключить не только охрану.

Понадобился юридический отдел.

Потом личные врачи.

Потом ещё люди.

Много людей.

Операция, по первоначальному плану рассчитанная на короткий разговор и один чемодан, быстро разрослась до межведомственного мероприятия с медицинским сопровождением.

Постник рыдал и не верил в происходящее.

— Я никуда не поеду! Я маму не брошу!

Ему спокойно объяснили, что бросать маму никто не предлагает.

Просто когда он подписывал контракт с Баламутом, то каким-то образом заодно подписал контракт и с нами.

Случайно.

Совершенно случайно.

Аркадий Львович предоставил бумаги.

Все.

С приложениями.

Подписями.

И теми самыми пунктами, которые следовало уточнять до заключения сделки.

Постник прочитал.

Побледнел.

Перечитал.

Посмотрел на юристов так, будто только что понял, что ад начинается не с котлов.
Ад начинается с приложений к договору.

Деваться ему было некуда.

Оставалась мама.

Маме объяснили, что сын будет жить в хорошем доме, много работать и приносить домой вот такую сумму.

Цифру показали отдельно.

Мама пересчитала нули.

Потом ещё раз.

И впервые за всё время переговоров задумалась.

После короткого согласования женщину уведомили, что личное присутствие сотрудника на рабочем месте обязательно и работа будет организована вахтовым методом.

Какая именно вахта, никто не уточнил.

Вахта — понятие растяжимое.

Особенно когда растягивает Юрист.

Серьёзность намерений мама оценила сразу.

По строю охраны.

По количеству юристов.

По врачам, приехавшим со всем необходимым на случай, если у неё заколет сердце, поднимется давление, срочно понадобится валерьянка или наступит классическое:

— Ах, я сейчас умру!

Мы подготовились и к этому.

На всякий случай следом приехало похоронное бюро.

С венком.

И каталогом памятников.

У матери Постника задёргался глаз.

Врачи сделали шаг вперёд.

Сотрудники похоронного бюро приготовились.

Постник зарыдал громче.

И, видимо, только благодаря этой безупречной подготовке женщина наконец согласилась отпустить сына.

Ненадолго.

На работу.

Вахтой.

С обязательными звонками утром, днём, вечером, перед сном, после пробуждения и в любой момент, когда ей покажется, что корзиночка питается недостаточно регулярно.

Постник был отвоёван.

Начальник охраны после этого ушёл в отпуск на неделю.

По документам — отдыхать.

По слухам — в запой.

За время операции он успел поседеть и сформулировать итоговый отчёт одной фразой:

— Мы пленных из Арабистана добывали менее кровопролитно, чем забирали сына у одной женщины.

Глава 5. Мошенники высокого калибра

Пока в реальности шли переезды, съезды, покупки квартир и принудительное комплектование штата, в игре прошло несколько недель.

Мы не бездельничали.

Мы с Веславой составляли план.

План получился хороший.

Особенно для нас.

Несколько игровых недель — срок приличный.

В реальности за это время можно успеть перевезти людей, расселить их по этажам, купить недостающее, раздать распоряжения и обнаружить, что недостающее опять кончилось.

В игре за тот же срок можно окончательно убедиться: если оставить наше хозяйство без присмотра, по возвращении придётся не входить в город, а выяснять, на каком месте он раньше стоял.

Поэтому начинался план не с похода.

Начинался он с вопроса:

кому доверить всё, что мы оставляем за спиной?

Харон оставался в доме за старшего.

В его обязанности входили охрана, управление и присмотр за двумя детьми.

Если их пока можно было так назвать.

Первый ребёнок беспробудно дрых у него на макушке, свернувшись золотой змейкой.

Второй сидел дома наказанный и должен был очень старательно не влезать ни в одну дополнительную непредвиденную ситуацию.

То есть Баламут.

Картина получалась семейная.

Рослый лич, постепенно возвращающий себе человеческий вид, ходил по дому с золотой змейкой на голове. Рядом маячил древний бог в облике восьмилетнего мальчишки, которому строго запретили спасать мир, улучшать мир и вообще прикасаться к миру без разрешения взрослых.

Особенно руками.

Особенно из любопытства.

Особенно если рядом находился Харон и мог подсказать что-нибудь полезное.

Потому что полезные советы этой пары обычно заканчивались ремонтом, поисковой операцией или новым пунктом в перечне вещей, которые отныне запрещены.

Прежняя печать на лбу за несколько дней сошла.

Но наш Секретарь открыла новое производство.

На этот раз Муха оформила наказание отдельно, без моего участия и, подозреваю, с некоторым личным удовольствием.

На мягком месте Баламута появилась печать:

«НАКАЗАН.

ПОПРОБУЙТЕ ЕЩЁ РАЗ».

Последняя строка звучала двояко.

То ли сотруднику предлагали повторить попытку.

То ли предупреждали:

Только попробуйте у меня ещё раз.

Уточнить мы не смогли.

Муха летала с чрезвычайно важным лицом. Каждый раз, заметив Баламута, она демонстративно показывала ему жало, которым проводила дисциплинарное оформление.

Баламут краснел.

Пыхтел.

Показывал кулак.

Секретарь фыркала с видом существа, защищённого должностью, полномочиями и полной физической недосыгаемостью, после чего улетаала в кабинет.

Наказан Баламут был за дело.

Это понимали все.

Даже Баламут.

Но понимание не мешало ему считать способ оформления дисциплинарного взыскания оскорблением достоинства.

Достоинство теперь ходило по дому с печатью и старалось не поворачиваться к окружающим спиной.

Муха, напротив, при каждом удобном случае заходила на новый круг и проверяла сохранность своей работы с воздуха.

Служебный контроль.

Ничего личного.

Лишь жало время от времени поблёскивало так выразительно, словно у него имелось собственное мнение и оно тоже требовало повторной проверки.

Опека по мне рыдала.

Крокодильими слезами.

Доберись она до нашего мира, мне пришлось бы долго объяснять, почему один ребёнок спит на голове у лича, а второй ходит с печатью на заднице и угрожает канцелярской мухе.

Но потом я посмотрела на Веславу.

В вопросах воспитания она была бы куда лучшей матерью, чем я.

И от сердца немного отлегло.

Не полностью.

Но достаточно, чтобы не отменять поход.

Веславу призвали с нижайшей просьбой присмотреть за всем балаганом.

Чтобы Секретарь не зататуировала пацана до конца.

Чтобы пацан не натворил новых дел.

Чтобы Харон случайно не помог ему натворить ещё больше.

И чтобы золотая змейка, когда проснётся, оставила на месте хотя бы город.

Дом мы, если что, отстроим.

Веслава обрадовалась расширению полномочий.

Повернулась в сторону перечисленных лиц и улыбнулась своей прекрасной женской улыбкой.

Мягко.

Ласково.

С обещанием присмотреть обязательно.

В той стороне кто-то икнул.

Улыбки исчезли со всех лиц.

За исключением змейки.

Она по техническим причинам улыбаться не могла.

Спала.

Все возможные кары небесные были согласованы автоматически.

Без чтения.

Без обсуждения.

И, судя по лицам присутствующих, без права обжалования.

Дело было вот в чём.

Мы собирались в поход к светлым.

Следовательно, в городе требовалось оставить собственный штат, способный работать, охранять имущество и не превращать каждый вопрос в повод срочно вызывать меня обратно.

Нужны были не просто отдельные сотрудники.

Нужна была группа.

Такая, чтобы могла самостоятельно выйти за ворота, набрать уровни, вернуться полным составом и принести отчёт, в котором слова «случайно», «непредвиденно» и «а потом появился Баламут» не занимали три первых страницы.

К счастью, основа уже имелась.

Для начала у меня имелись два программиста.

Кирюха, он же Крайний, молодой и задорный, выбрал рыцаря смерти.

Тёмного.

Тяжёлого.

Очень подходящего человеку, который первым замечал неприятности, а потом оказывался крайним.

Толя, он же Тикет, сначала решил, что будет вором.

Подумал.

Ещё раз подумал.

И пошёл в некроманты.

Решение оказалось удачным. Брился Тикет редко, смотрел на мир устало и на фоне скелетов выглядел настолько гармонично, будто не играл некроманта, а много лет руководил этим отделом и просто вышел проверить ночную смену.

Рыцарь смерти и некромант продолжали работать парой.

Как раньше.

Только теперь один поднимал мёртвых, а второй стоял рядом с видом человека, который заранее знает, чем всё это закончится.

Вместе они смотрелись настолько естественно, что хотелось уточнить, точно ли до игры оба работали с программами.

Возможно, программы просто не рассказывали всей правды.

Кирюха в тяжёлой броне выглядел молодым специалистом, которому наконец разрешили решать проблемы не через список заявок.

Толя среди скелетов выглядел руководителем отдела.

Уставшим.

Опытным.

Не задающим лишних вопросов, потому что ответ всё равно придётся поднимать из мёртвых и опрашивать лично.

К ним добавили Ювелира, которому требовались уровни.

И Постника, который вроде бы тоже мог приносить пользу, если его не уносили в лес, не затаскивали на шпиль и не окружали женщинами.

Получилась отдельная гоп-компания.

На бумаге даже сбалансированная.

Рыцарь смерти принимал удар.

Некромант обеспечивал численность.

Ювелир видел ценность там, где остальные видели кусок металла, камень или подозрительный мусор.

Постник укреплял всех молитвой и самим фактом своего присутствия доказывал, что человек способен пережить очень многое.

Особенно если женщины не дают ему спокойно умереть.

Группе предстояло набирать уровни, присматривать за городом и предоставлять отчётность по полной программе.

Отчётность требовалась и в реальности.

Именно поэтому всех четверых мы собрали в штаб-квартире.

Мне нужны были живые люди перед глазами.

Не ники.

Не строчки в системном окне.

Не очередной доклад о том, что сотрудник куда-то исчез, а связь с ним отсутствует по причинам, которые лучше обсуждать после валерьянки.

Личный отчёт дисциплинирует.

Особенно когда сдавать его приходится мне, точнее моему живому Юристу.

Кто был не согласен, тому подробно разъяснили кадровую политику.

Не хотите — заставим.

Не умеете — научим.

Не помещаетесь — купим ещё этаж.

Вопрос с добровольностью после этого считался закрытым.

К походу готовились основательно.

Особенно после того, как выяснилось, что предметы можно зачаровывать без светлых богов.

Каждое зачарование проходило по отдельному договору.

Не один договор на предмет целиком.

Отдельный — на каждое зачарование.

Любая новая сила, которую собирались привязать к предмету, сначала попадала на стол к Аркадию Львовичу.

Он проверял формулировки.

Уточнял обязательства.

Выяснял, кто отвечает за результат, кто — за последствия, а кто опять попытался оставить себе удобную лазейку мелким шрифтом внизу.

После этого договор возвращался Баламуту.

Потом снова Аркадию.

Потом Баламут пытался что-нибудь объяснить.

Аркадий Львович задавал ещё один вопрос.

И объяснять приходилось заново.

Баламут рыдал.

Аркадий Львович улыбался и делал свою работу правильно.

После очередного договора Баламут с тоской посмотрел на исправленную страницу.

— Форс-Мажора надо было брать не в Судии, а в главные демоны. Вот если бы Аркадий Львович состоял в моём штате, мы бы вдвоём натворили куда более интересных дел, чем я сумел в одиночку.

С таким умением его собственные контракты выглядели кусками макулатуры.

Аркадий Львович не обиделся.

Профессиональное признание всегда приятно.

Даже если рекомендацию даёт бывший владелец преисподней в облике наказанного ребёнка с печатью на заднице.

При этой мысли мальчик мечтательно вздохнул.

Потом вспомнил, что такой ценный кадр уже заграбастали другие руки, и снова расстроился.

Мы, напротив, радовались.

Руки оказались нашими.
И отдавать ценный актив обратно в преисподнюю не собирались.
Даже по очень хорошему договору.
Мы собирали одежду.
Провизию.
Снаряжение.
И решали, как пробраться во вражеский стан, не вызвав вопросов раньше положенного срока.
Рабочую схему предложили втроём.
Чёрный Шип.
Веслава.
И сам Аббадон, время от времени подававший голос из угла.
Накидки у нас уже были.
Такие же, как у светлых.
Семь штук.
Пять на основной состав и две запасные.
Получили раньше в награду, потом ещё принесли.
С этим учёт сходился.
Проблема была под накидками.
Хороший плащ способен прикрыть многое.
Но не тёмную броню, которая при первом же внимательном взгляде сообщает окружающим, что её владелец пришёл не молиться и свечку ставить не собирается.
Не хватало только брони, которая выглядела бы так, словно её купили на той стороне, освятили там же, а потом ещё долго полировали специально для парадного выхода.
Белый комплект Аббадона подходил идеально.
Оставалось его сковать.
Работа закипела.
Кузня гремела.
Ювелир проверял каждую линию.
Баламут тащил в работу силы своего бывшего штата, хотя по виду больше напоминал мальчика, которого пустили помочь взрослым и теперь очень внимательно следят, чтобы помощь не сожгла квартал.
Аббадон комментировал происходящее.
Аркадий Львович следил, чтобы каждое его одобрение, замечание и внезапное проявление самостоятельности оставалось в пределах подписанного.
Мы ждали.
И готовили провизию.
Потому что смотреть на работу мастеров полезно только первые несколько минут.
Потом всё равно мешаешь.
Когда всё было закончено, мы выглядели как персонажи с заставок лучших рекламных роликов «Пантеона».
Вот прямо сейчас падай на колени и молись.
Желательно издалека.
И руками ничего не трогай.
Ну, о чём это я?
Ах да.
О том, насколько убедительно мы выглядели.
У меня и раньше была хорошая экипировка.
Дорогая.

Надёжная.

Такая, при виде которой знающие люди сначала оценивают стоимость, потом владельца, а уже после решают, стоит ли вообще начинать разговор.

Но на фоне нового комплекта мой прежний трёхсотый паладин нервно плакал в сторонке и хотел такую же броню.

От неё несло всеми видами эффектов и святости сразу. Каждая пластина сияла ровно настолько, чтобы не слепить владельца, но внушать окружающим правильные мысли. Каждая застёжка была зачарована. Каждый камень, шов и металлический край сообщал миру: перед вами приличные, обеспеченные и чрезвычайно благословлённые люди.

Мы? Тёмные? Ересь!

Да ни одна мышь носа не подточит.

Или кто там в поговорке?

Комар.

В общем, ни один посторонний нос не должен был приблизиться к нашей маскировке с проверкой на ощупь.

Баламут и Ювелир сделали то, чего не смогли бы повторить кузнецы и ювелиры на той стороне.

Каждая вещь была зачарована.

А поскольку зачарование там считалось исключительной вотчиной светлых сил, любой встречный должен был сделать единственный логичный вывод: мы очень богатые ребята.

Или представители очень важной гильдии.

Или одновременно.

Ни одному нормальному светлему не придёт в голову, что весь комплект благословляли рогатые сотрудники преисподней.

Всем отделом.

Причём лучшими кадрами.

Если на светлой стороне к нам и возникнут вопросы, то только правильные:

Где вы такое достали?

Кто мастер?

А продайте, пожалуйста.

Ответы я подготовила заранее.

Не продадим.

Не отдадим.

Трогать запрещено.

Нюхать тоже.

Иные виды нездорового интереса к чужой экипировке рассматривались отдельно и карались на месте.

Смертью.

Броня, думаю, нам в этом поможет.

Мы оделись.

Осмотрели друг друга.

Светлые.

Святые.

Богатые.

Пять ходячих доказательств того, что внешний аудит без вскрытия документации ничего не стоит.

В поход вышли я, Форс-Мажор, Павел, Даша и Стас.

Полный основной состав.

Пока собирались и выдвигались, по закрытому каналу пришла ещё одна сводка.

Постник опять пропал.

Он уже успел намотать весь энергетический резерв обратно и должен был выступать в собственный поход с остальными товарищами. Вторая группа собиралась следом за нами, но их броню ещё не закончили.

И хорошо.

Иначе пришлось бы искать не одного Постника, а весь отряд.

По свидетельству очевидцев, некая рогатая крылатая женщина с хвостом появилась рядом с нашим жрецом, схватила его за ногу и утащила в сторону леса.

Мы испытали дружный эффект дежавю.

Демоница опять шалит.

В прошлый раз Постник вернулся примерно через полторы игровые недели.

Сам.

С пустым резервом, уничтоженной верой в женщин и острым желанием поселиться на шпиле.

Три дня после этого он обнимал громоотвод, пока Даша не организовала общегородское рыдание и добровольно-принудительное снятие сотрудника с высоты.

Опыт у нас имелся.

Сроки тоже.

Броня второй группы всё равно не была готова, поэтому мы решили пока не менять основной маршрут. Вернётся — встретим. Полезет на шпиль — снимем повторно.

Главное, чтобы громоотвод выдержал.

Постник — не факт.

До серой зоны добрались без приключений.

Это настораживало.

Слишком тихая дорога обычно означает, что все неприятности собрались в одном месте и ждут оптового покупателя.

Наш прежний вход стоял там же.

Только теперь рядом с ним работал аванпост.

Идея, брошенная мною перед возвращением, прижилась. В катакомбах появилась постоянная база. Её укрепляли, расширяли и готовили к тому дню, когда разведка на светлой стороне станет не разовой выходкой, а нормальной работой.

Мне понравилось.

Порядок вообще приятен.

Особенно когда возникает по твоему распоряжению и без необходимости самой таскать камни.

Когда игроки второй группы доберутся до пятидесятого уровня, отправим их сюда.

Местные монстры были злее.

Сильнее.

И, судя по нашему предыдущему походу, заметно щедрее на опыт.

Здесь новая группа сможет быстрее сократить разрыв. А если ей удастся хотя бы ненадолго перебраться на светлую сторону и вернуться целой, уровни пойдут ещё веселее.

Мы уже проверяли.

Триста семьдесят пять раз.

И ещё один отдельно, вне зоны.

Выгодно.

Рискованно.

Зато убедительно.

Мы прошли через аванпост, вошли в коридор и двинулись под серой зоной.

Путь помнил нас.

Камень — тоже.

С другой стороны коридора начиналась знакомая серая толща, за которой лежали земли светлых.

До прежнего места выхода мы не пошли.

Категорически.

Там мы уже устроили такой бардак, что возвращаться тем же маршрутом могли только люди с очень короткой памятью или очень высокой уверенностью в собственной неуязвимости.

Ни тем, ни другим мы не страдали.

Кроме того, после событий в реальности я исходила из худшего варианта.

Если кто-то искал нас там, он мог искать и здесь.

На месте противника я первым делом проверила бы точку прежнего проникновения. Поставила наблюдение. Подтянула людей. Подготовила ловушку. А потом терпеливо ждала, когда самоуверенные нарушители снова ползут в ту же дыру просто потому, что один раз получилось.

Дураки бывают разные.

Но чаще всего они возвращаются туда, где уже были.

Без проверки.

Без защиты.

Без запасного плана.

На это и попадаются плохие мошенники.

Мы же оценивали себя как специалистов более высокого калибра.

Да, придётся идти дальше.

Да, придётся искать новый выход.

Возможно, обойти ползоны и потратить время.

Зато выйдем там, где нас не ждут.

Нам требовалось найти безопасное место для спуска и оттуда добраться до ближайшего города.

Войти спокойно.

С достоинством.

Как очень богатые, очень светлые и совершенно случайно оказавшиеся здесь люди.

Главное — не позволять никому трогать броню.

И не засмеяться раньше времени.

Глава 6. Полевые совещания

Ходить пришлось целую неделю.

Игровую.

Не реальную.

Хотя к концу пути ноги утверждали, что разница исключительно бухгалтерская и на физическое состояние сотрудников не распространяется.

Мы шли.

Останавливались.

Устраивали привалы.

Снова шли.

Искали новый выход, который не вывел бы нас прямо под нос тем, кто мог караулить прежний.

К концу второго дня дорога превратилась в отдельную должностную обязанность.

Подъём.

Сбор лагеря.

Проверка снаряжения.

Переход.

Привал.

Снова переход.

К вечеру ставили палатки, устраивались, обсуждали пройденное и пытались понять, сколько ещё серой зоны лежит впереди.

Потом наступало утро.

И выяснялось, что лежит достаточно.

Местность не помогала.

Она исправно оставалась серой, одинаковой и совершенно не заинтересованной в том, чтобы показать нам удобную табличку:

«Светлые земли — туда.

Засада — в другую сторону».

Приходилось обходиться без сервиса.

Зато никто не напал.

Никто не попытался нас сожрать.

Ничего не загорелось.

После последних событий это уже можно было считать удачным путешествием.

За неделю случилось несколько вещей, не имевших прямого отношения к маршруту, но заметное скрашивавших дорогу.

Особенно хорошо запомнились вечерние личные совещания с Юристом, ради которых мы уединялись в одной палатке.

Совещания проходили продуктивно.

Начинались вечером.

Заканчивались утром.

Иногда повестка исчерпывалась раньше, но расходиться участники почему-то не торопились.

Аркадий Львович приносил с собой собранные за день наблюдения.

Я приносила вопросы.

Потом вопросы временно заканчивались.

Наблюдения тоже.

А совещание продолжалось.

Работа любит сосредоточенность.

А ещё закрытый вход, тишину и отсутствие посторонних лиц, способных внезапно поинтересоваться ходом переговоров.

У Даши со Стасом наблюдалась примерно та же картина.

После второй такой ночи мы окончательно поняли: этих двоих пора женить.

Даша и Стас засыпали в одной палатке с такой естественностью, будто давно всё решили и забыли уведомить вышестоящее руководство.

Вышестоящее руководство посмотрело.

Сверило наблюдения.

И пришло к единогласному решению.

Не прямо сейчас.

Не посреди серой зоны.

Но вопрос уже перешёл из категории «возможно» в категорию «вопрос времени».

Нас с Юристом вопрос женитьбы не касался.

Совершенно.

Мы старательно к нему не подходили.

Даже после того, как утром возле входа в нашу палатку обнаружили два очень заинтересованных человека.

Стояли.

Ждали.

Смотрели так, словно заседание комиссии уже началось, а мы опаздывали с объяснительной.

— А что это у вас здесь происходит?

Я посмотрела на них.

Они посмотрели на меня.

Потом дружно перевели взгляд на Аркадия Львовича, появившегося следом.

То, что происходило, было не их делом.

Не мешайте работать.

Примерно так я и ответила.

Только длиннее.

И убедительнее.

Один хмыкнул.

Второй тоже хмыкнул.

А потом уже где-то за спиной, когда мы отошли достаточно далеко, но недостаточно далеко для моего слуха, донеслось:

— Ну я же тебе говорил. Вот увидишь, они всё-таки наконец поженятся.

Я как раз сделала глоток чая, который успешно вынесла из палатки.

Чай попытался выйти обратно.

Я закашлялась.

Аркадий Львович технично промолчал.

Но задумался.

Это было видно.

Я сделала ещё один осторожный глоток.

Теперь уже под контролем.

Хмыканье за спиной не прекращалось.

Поговорить с Аркадием Львовичем всё-таки придётся.

Не о походе.

Не о светлых.

И даже не о договорах.

Просто не сейчас.

Мы находились посреди серой зоны, шли на территорию врага и каждое утро собирали лагерь с расчётом не возвращаться на прежнее место.

Не лучшие условия для разговора, после которого двое взрослых людей могут внезапно обнаружить, что их личные планы больше не ведутся по разным ведомостям.

Поэтому вопрос отложили.

Не закрыли.

Именно отложили.

Когда Юрист так задумывается, через некоторое время обычно появляется документ, решение или событие, которое остальные участники называют форс-мажором.

Пока что Форс-Мажор я хотела видеть только в палатке.

И исключительно в виде Юриста.

Никаких дополнительных событий нам не требовалось.

Особенно свадебных.

По крайней мере, до возвращения.

После этого случая совещания не прекратились.

Мы просто стали внимательнее проверять, кто находится возле палатки.

Опыт вообще полезен.

Особенно полевой.

К четвёртой ночи вокруг нашей палатки соблюдали почтительную тишину.

Не из деликатности.

Просто все уже получили достаточно материала для собственных выводов.

Через неделю мы нашли подходящий выход.

Серая зона осталась за спиной, а впереди показалась деревня.

Она напоминала Нижние Плёсы.

Не точной копией.

Скорее первым впечатлением, от которого память услужливо поднимает нужную папку и кладёт сверху.

Я остановилась и несколько секунд просто смотрела.

Тогда, в самом начале, я вошла в свою первую деревню грязной, голодной и совершенно не понимающей, куда попала.

Теперь входили подготовленными.

Вооружёнными.

В броне, от которой светлые должны были испытывать уважение, зависть и желание немедленно познакомиться с нашим мастером.

Разница была ощутимой.

Хотя деревни по-прежнему имели неприятную привычку встречать нас чужими проблемами.

Частокол здесь не был чёрным.

Дорога выглядела более-менее ровной.

Без привычных луж, в которых можно потерять сапог, достоинство и половину дорожного запаса.

Погост содержали в порядке.

Кресты не заваливались.

Ограды стояли ровно.

Ни одного зомбака между могил не наблюдалось.

Другая нечисть тоже не спешила выходить знакомиться.

Жители выглядели нормально.

Даже ухоженно.

Одежда чистая.

Лица живые.

Взгляды не сообщали, что твой приход стал лучшим событием после последнего удачного захоронения.

Сразу видно — территория светлых.

Прилизано.

Хорошо.

Бедненько.

Бедненько относилось именно к деревне.

Она стояла почти у самой границы, и цивилизация основного контента сюда, видимо, ещё не добралась. Или добралась, посмотрела на расстояние до ближайшего нормального тракта и решила вернуться позже.

Дома выглядели скромно.

Ничего лишнего.

Ничего богатого.

Зато всё стояло ровно, было починено и не пыталось развалиться от одного внимательного взгляда.

На тёмной стороне бедность чаще выглядела так, словно из неё предварительно вынули жизнь.

Здесь жизнь оставалась.

Просто денег ей не выделили.

Но порядок поддерживали.

Для приграничья уже достижение.

При виде нас местные обрадовались.

Сначала осторожно.

Потом сильнее.

Потом кто-то понял, что к ним наконец прислали целый отряд хорошо вооружённых, очень дорогих и до неприличия благословлённых людей.

Радость стала общей.

Нас окружили.

Заговорили все сразу.

Кто-то показывал в одну сторону.

Кто-то перебивал и тянул в другую.

Кто-то пытался начать рассказ с самого начала, но начало, судя по всему, произошло достаточно давно и грозило занять остаток дня.

Мы стояли посреди этой радости, сияли зачарованной бронёй и пытались не показать, что прибыли сюда не по распоряжению светлого начальства.

Маскировка работала.

Возможно, даже слишком хорошо.

По обрывкам фраз выходило, что мы прибыли очень вовремя и теперь обязательно решим целую кучу местных проблем.

Какую именно кучу, мы поняли немного позже.

Пока мы неделю искали этот выход, в другом конце мира подходила к завершению ещё одна дорога.

К нашему городу возвращался Постник.

Второй раз.

Сам.

Пешком.

Сначала показался человек.

Потом по походке стало понятно, что это Постник.

Походка сообщала миру: владелец ног больше не доверяет дорогам, лесам и существам женского пола.

Демоница снова его обманула.

Что именно она сказала, пообещала или показала, мужчина сообщать отказался. Из обрывков жалоб следовало одно: он поверил.

Ещё раз.

После всего, что уже произошло.

Поверил женщине.

Это обстоятельство оскорбляло его сильнее самого похищения.

В первый раз ещё можно было сослаться на отсутствие опыта.

На внезапность.

На неизвестный навык.

На то, что никто заранее не выдал инструкцию по взаимодействию с высшими суккубами.

Второй раз требовал признать неприятное:

инструкция уже имелась.

Просто в нужный момент Постник предпочёл её не вспоминать.

Она опять утащила его в лес.

Опять произошло нечто, проходившее под грифом «маме никогда не рассказывать».

А потом Постник обнаружил себя далеко от города и был вынужден идти обратно собственными ногами.

Дорога заняла достаточно времени, чтобы мужчина успел обидеться на демоницу, женщин, лес, игру, собственную доверчивость и белый свет целиком.

Белый свет возражать не стал.

До знакомого шпиля Постник добрался сам.

И сам на него залез.

И приготовился больше никогда не спускаться в мир, где женщины сначала смотрят честными глазами, а потом оставляют приличного мужчину неизвестно где без транспорта.

Сняли его второй раз.

Быстрее, чем в первый.

Руководство тоже училось.

Сам Постник утверждал, что не прятался.

Он уединялся.

На высоте.

В труднодоступном месте.

Куда женщины теоретически не должны были добраться.

Практика уже дважды показывала, что теорию пора увольнять.

После снятия Постник добрался до кузницы.

Бледный.

Замученный.

Грустный.

Чёрный Шип поднял голову от работы и внимательно посмотрел на товарища.

Тот выглядел так, словно пережил тяжёлое потрясение и теперь никак не мог определиться, какая его часть была самой тяжёлой.

Сначала Постник был только зол.

Потом злость начала оседать.

И под ней обнаружилось нечто гораздо более неприятное.

Постник скучал.

Само по себе это было нормально.

Постник умел грустить обстоятельно, с выражением и внутренним обвинительным заключением в адрес всего женского пола.

Ненормальной была причина.

Он вспоминал.

Слишком часто.

И явно не только дорогу обратно.

Воспоминания проходили под грифом «совершенно секретно».

Никому не рассказывать.

Особенно маме.

Постник переступил с ноги на ногу, посмотрел на Ювелира и сказал:

— Пойдём покурим.

Чёрный Шип ещё раз осмотрел его с головы до ног.

— Пойдём.

Курить не собирался ни один.

Оба вообще не курили.

Но фраза была старая, действенная и понятная без должностной инструкции.

Она означала:

пошли в реал, надо поговорить.

Через несколько минут оба вышли из капсул.

Выбор собеседника был не случайным.

Постник и Чёрный Шип спелись неожиданно быстро.

Как два закадычных друга, которым для дружбы сначала потребовалось провалиться каждый в собственную яму, а потом встретиться где-то на дне между этажами.

У одного за плечами были неудавшаяся мастерская, долги, потерянное желание творить и год добровольного затворничества.

Отаку, успевший дорасти до хикикомори.

У второго — мама.

Этого пояснения хватало.

Депрессия одного прекрасно понимала депрессию другого.

Им не требовалось объяснять, почему иногда не хочется выходить из комнаты.

Почему простая работа внезапно кажется неподъёмной.

Почему человек может годами жить рядом с нормальной жизнью и всё равно смотреть на неё через закрытую дверь.

Они не пытались друг друга чинить.

Не требовали немедленно взбодриться.

Не советовали просто взять себя в руки.

Иногда разговаривали.

Иногда молчали.

И почему-то именно это помогало лучше всего.

Они могли обсуждать всё.

Работу.

Игру.

Женщин.

Отсутствие женщин.

Преимущества отсутствия женщин.

И неприятные исключения, после которых преимущества почему-то начинали выглядеть не такими убедительными.

Переезд пошёл Постнику на пользу.

Через пару дней он осознал страшное:

мамы рядом нет.

Следить некому.

Можно жить.

Мужчина немедленно пошёл во все тяжкие.

По меркам любого другого человека тяжкие выглядели скромно.

По меркам Постника это была полноценная криминальная хроника.

Перестал носить брюки со стрелками, выглаженными до состояния холодного оружия.

Начал спокойно есть.

Не озираясь.

Не проверяя после каждого движения, не появилась ли на ткани капля соуса, за которую придётся отвечать перед семьёй, законом и высшими силами.

Если пятно всё-таки появлялось, Постник больше не прощался с вещью и молодостью.

Он шёл в ванную.

Открывал стиральную машину.

Клад одежду внутрь.

Нажимал кнопку.

Техника стирала.

Потом автоматически сушила.

После этого из неё доставалась чистая, мягкая вещь, вполне пригодная для дальнейшего существования.

Гладить её Постник не собирался.

Ни сейчас.

Ни потом.

Ни под каким видом.

Жизнь без стрелок на брюках оказалась возможна.

Более того.

Она оказалась прекрасна.

Постник мог заляпаться с ног до головы и не услышать над собой:

«Сыночка, ну как же так?»

Он вырослел.

Медленно.

Осторожно.

С помощью стиральной машины.

Первое самостоятельное решение оказалось простым:

не гладить.

Второе — не спрашивать разрешения на первое.

На третьем Постник почувствовал вкус свободы и поставил музыку громче.

И никто не потребовал немедленно сделать её тише.

Соседи не жаловались.

Не потому, что им нравилось.

Просто звукоизоляцию в комнате сделали такую, что внутри можно было выстрелить из танка, а снаружи решили бы, что у кого-то упала ложка.

Постнику нравилось всё.

Своя квартира.

Своя дверь.

Своя громкость.

Возможность испачкать футболку и не составлять завещание.

Возможность открыть холодильник тогда, когда захотелось, а не тогда, когда обед официально разрешён.

Возможность лечь спать, не выслушав полный перечень того, что он сегодня сделал неправильно.

А когда он ещё и спелся с Ювелиром, жизнь наконец сдвинулась с отметки «мамин мальчик» в сторону «мальчик становится мужчиной».

Путь предстоял долгий.

Но начало было положено.

Поэтому сейчас первым, кому Постник решился изложить свою беду, оказался именно Чёрный Шип.

Через несколько минут они уже сидели друг напротив друга с двумя баночками смузи.

Постник изложил беду.

Не всю.

Ровно ту часть, которую можно было произнести вслух, не покраснев до ушей и не потребовав немедленно стереть собеседнику память.

Чёрный Шип слушал.

Не смеялся.

Не перебивал.

Только иногда кивал с видом человека, который хорошо понимает: из леса второй раз пешком идти не хочется никому.

Когда рассказ дошёл до второй прогулки через лес, только уточнил:

— Опять пешком?

Постник посмотрел на него с болью человека, которому напомнили худшую часть пережитого.

— Опять.

Постник закончил.

Сделал глоток.

Мрачно посмотрел на баночку.

— И что мне теперь делать?

Ювелир подумал.

— А если сделать тебе камень телепорта?

Постник замер.

— Что сделать?

— Камень. Сломал — и тебя вернуло к месту привязки. Живого. Чтобы не тащиться опять пешком.

Идея была прекрасна.

Особенно та её часть, где ноги Постника больше не участвовали в многодневном возвращении из леса.

Имелась только одна проблема.

Материалы стоили дорого.

Очень дорого.

Готовых камней в лавках не продавали.

Во всяком случае, таких.

Но Чёрный Шип считал, что создать нужную вещь можно.

При определённых условиях.

— Ты уверен?

Ювелир пожал плечами.

— Нет. Но нарисовать могу.

После последних приключений это прозвучало одновременно как обещание и угроза.

Он взял бумагу.

Начал набрасывать схему.

Провёл одну линию.

Вторую.

Добавил узор.

Остановился.

Посмотрел на рисунок.

Побледнел.

За последнее время его наброски приобрели отвратительную привычку оживать, открывать проходы, вызывать царей и устраивать капитальный ремонт там, где его никто не планировал.

Ювелир медленно оглядел комнату.

Стены стояли.

Пол не светился.

Портал не открывался.

Из рисунка никто не вылезал.

Чёрный Шип выдохнул.

Он находился в реальности.

Слава богу.

Если бы эта схема решила ожить прямо в игре и без согласования, в реальности Ювелиру понадобилось бы надгробие.

Мы убили бы его всем составом.

Потом воскресили.

И убили ещё раз.

Неоднократно.

Подчёркиваю:

неоднократно.

Когда оба вернулись в игру, набросок лёг на рабочий стол уже как проект.

Материалы нашли.

Дорогие.

Такие, на цену которых Постник сперва посмотрел, потом вспомнил обратную дорогу через лес и молча согласился.

В первый момент он попытался возмутиться.

Во второй пересчитал стоимость.

В третий представил ещё одну дорогу.

Вопрос закрылся.

Ювелир работал.

Постник ждал.

В этот раз рисунок оживал под присмотром.

Очень строгим.

И очень личным.

Чёрный Шип сверялся с наброском.

Останавливался.

Исправлял линию.

Снова продолжал.

Постник не вмешивался.

Он уже понял, что человеку, способному случайно открыть проход на другой конец мира, лучше не подсказывать под руку.

В итоге один друг создал для другого вещь, за которую ещё будут драться во всех игровых зонах.

Включая светлые.

Обычная смерть в «Пантеоне» работала просто только в рекламном описании.

Умер — появился у точки возрождения, к которой был привязан.

Если рядом находился жрец и успевал поднять тебя на месте, считай, крупно повезло.

Если жреца не было, начиналась логистика.

Тело оставалось там, где его бросила смерть, вместе со всеми вещами. Первые игровые сутки чужие не могли снять с него ничего. Унести само тело — пожалуйста. Обобрать — нет. Когда срок защиты заканчивался и тело растворялось, бесхозные вещи становились доступны всем желающим.

Поэтому товарищам приходилось возвращаться за телом и снаряжением, искать помощь или срочно организовывать спасательную экспедицию.

Неудобно.

Зато справедливо.

Камень решал ту же задачу заранее.

Не воскрешал.

Не ждал смерти.

Он переносил живого владельца прямо к месту привязки.

Легальная возможность при любой непонятной ситуации сломать маленькую дорожную вещь и драпануть куда подальше.

Подобных предметов в игре не существовало.

По крайней мере, до Чёрного Шипа.

Правда, в первый образец Ювелир умудрился заложить одну маленькую, но весёлую ошибку.

Во время работы ему пришло в голову: а неплохо было бы, если бы в радиусе двухсот метров всякая непотребщина склеивала крылья и теряла хвост.

Обычная праздная мысль.

Только у Чёрного Шипа мысли в последнее время имели отвратительную привычку попадать в готовое изделие без утверждённого технического задания.

Постник посмотрел на камень.

Посмотрел на Ювелира.

Выслушал объяснение.

Попросил время подумать и ушёл с этой мыслью до следующего игрового утра.

Утро вечера мудренее.

Особенно если вечером тебе предлагают повесить на шею экспериментальное устройство, которое одновременно возвращает домой и обещает в радиусе двухсот метров провести принудительную инвентаризацию крыльев и хвостов.

На следующий игровой день Постник вернулся.

Он переспал с идеей.

Переварил.

Почти согласился.

Хорошо, что с назначением камня он успел разобраться заранее.

Иначе следующие несколько секунд они с Чёрным Шипом начали бы в кузнице, а закончили уже где-нибудь под её обломками.

Потому что демоница появилась перед ними.

Прямо у верстака.
Без предупреждения.
Постник увидел рога.
Увидел крылья.
Увидел хвост.
Схватил камень обеими руками и случайно его сломал.
Камень хрустнул.
Воздух дёрнулся.
Постник исчез.
Появился он среди жриц Веславы, прямо у своей точки привязки.
Автоматически спасённый тем самым женским коллективом, из-под надзора которого раньше трижды пытался сбежать.
У судьбы имелось чувство юмора.
Плохое.
Но устойчивое.
Чёрный Шип остался в кузнице.
Демоница посмотрела на пустое место.
Потом на Ювелира.
— А он куда?
Чёрный Шип развёл руками.
— Не знаю.
Демоница ещё раз посмотрела туда, где только что стоял Постник.
Пожала плечами.
И растворилась.
Ушла несолоно хлебавши.
Через несколько секунд Ювелиру пришло сообщение.
«Она ушла?»
Чёрный Шип оглядел кузницу.
«Ушла».
Следующее сообщение пришло сразу:
«Точно?»
Ювелир посмотрел под верстак.
На всякий случай.
«Точно».
На второй камень пришлось раскошелиться ещё раз.
На этот раз Постник дождался окончания работы, лично проверил каждую линию и повесил готовое изделие на шею.
Больше он его не снимал.
Ни в кузнице.
Ни в походе.
Ни во сне.
Периодически трогал через одежду, проверяя, на месте ли.
Потом оглядывался.
Потом проверял ещё раз.
Паранойя была неприятной.
Зато до точки привязки теперь отделял один хруст.
Казалось бы, проблема решена.
Но через пару дней Постник поймал себя на другой мысли.
Где она вообще?

Почему больше не появляется?

И почему его это волнует?

— К чёрту, — сказал Постник вслух. — Во всём виноваты женщины.

Фраза была правильной.

Только спокойнее от неё почему-то не стало.

Глава 7. Гостеприимство авансом

Деревня приняла нас радушно.

Подозрительно радушно.

Для всей нашей компании выделили постоянный двор.

Не угол в общей комнате.

Не пару лавок возле печи.

Каждому предложили отдельную комнату.

Мы с Юристом, правда, ушли в одну.

Даша и Стас — в другую.

Павел занял третью.

Остальные комнаты остались стоять свободными, зато приличия были соблюдены в полном объёме: нам предложили по комнате, а уж как мы распорядились выделенной площадью — внутреннее дело нашей организации.

— Так удобнее, — объяснила я.

— И привычнее, — добавил Аркадий Львович.

Даша со Стасом согласно промолчали.

Павел посмотрел на нас всех, развернулся и понёс вещи в свою комнату.

Один.

Местные тоже ничего не сказали.

Правильно сделали.

Потому что некоторые вопросы лучше не задавать людям, которые вошли в деревню в сияющей броне, с благословениями на каждой застёжке и выражением лиц, не предполагающим общественного обсуждения личной жизни.

Кара небесная могла постичь любопытных незамедлительно.

Причём небеса в данном случае были ни при чём.

Мы справились бы своими силами.

На первом этаже постоянного двора располагалась таверна.

Там мы и встретились, разобрав вещи и проверив комнаты.

Столы были чистыми.

Лавки — крепкими.

Посуда — без трещин.

Еда появилась почти сразу, будто нас не просто ждали, а последние несколько лет ежедневно репетировали встречу именно нашего отряда.

Кормили хорошо.

Даже очень.

Горячее мясо.

Свежий хлеб.

Овощи.

Наваристая похлёбка, в которой ложка не стояла, но явно задумывалась о карьерном росте.

После недели дороги мы сначала ели.

Потом вспоминали, что приличные светлые люди должны сохранять достоинство.

Потом снова ели.

Хозяева постоянного двора смотрели на нас с таким счастьем, словно мы не ужинали, а уже решили все местные беды, выдали письменную гарантию и приложили печать.

Видимо, в деревню давно никто не заходил.

Или заходил, но быстро понимал, что у него имеются неотложные дела в любом другом месте.

Я отложила ложку и ещё раз осмотрела зал.

Людей собралось много.

Слишком много для обычного приветствия проезжих.

Они старались не толпиться.

Получалось плохо.

Кто-то сидел за дальними столами, не притрагиваясь к еде.

Кто-то подпирал стены.

Кто-то заглядывал через дверь и делал вид, что оказался рядом совершенно случайно.

Все смотрели на нас.

Ждали.

И чем дольше ждали, тем яснее становилось: бесплатный постоялый двор в этой деревне проходил не по статье «гостеприимство».

Это был аванс.

Проблемы здесь могли оказаться серьёзнее, чем сосед украл курицу и теперь отказывается возвращать вещественное доказательство.

Хотя с курами тоже бывает по-разному.

Иногда из одной птицы вырастает междоусобица на три семьи, два поколения и один подожжённый сарай.

Но ради курицы целый отряд в сияющей броне обычно не селят бесплатно.

Особенно отряд, который никто не вызывал, но все дружно решили считать присланным.

По лицам местных было видно: дело другого плана.

К ним не просто давно никто не заходил.

К ним отказывались заходить люди, у которых ещё работал инстинкт самосохранения.

Наш инстинкт пока не сбежал.

Только насторожился.

Поднял голову.

И начал тихо интересоваться, нельзя ли было выбрать другую деревню.

Поздно.

Нас уже накормили.

После хорошей еды отказаться помогать особенно сложно: тебя не держат, не запирают и даже не просят напрямую, но совесть уже сидит рядом и смотрит в тарелку.

Наконец один из местных решился заговорить.

Из объяснений, перебиваний и уточнений выяснилось главное.

В деревне пропадали люди.

Не один человек.

И не один раз.

Исчезновения происходили с завидной регулярностью.

Формулировка была неприятной.

Регулярность я люблю.

Но не такую.

Я снова посмотрела на собравшихся.

Людей в деревне оставалось много. На первый взгляд никакой катастрофы не происходило: дома не пустовали, улицы не вымерли, у стен не лежали аккуратные ряды тел.

Если кто-то и исчезал, со стороны это было почти незаметно.

Почти.

Но раз жители утверждали, что люди пропадают, значит, в этой отчётности имелась недочёт.

И местные её уже почувствовали.
По взглядам.
По тому, как они пересчитывали стоящих рядом.
По пустым местам за столами, на которые никто не садился.
Я переглянулась с Аркадием Львовичем.
Он едва заметно кивнул.
Павел перестал есть.
Даша со Стасом подобрались одновременно.
Отдых закончился.
Началась работа.
Вперёд вышла женщина.
Местная знахарка.
Она же, как оказалось, староста деревни.
Две должности в одних руках.
Лечить последствия и одновременно разбираться, откуда они взялись.
Удобная структура управления.
Особенно когда люди начинают пропадать.
Знахарка оказалась женщиной весёлой.
Интересной.
И без одного глаза.
Зато амулетов на ней хватило бы на небольшой выездной отдел по борьбе со всем потусторонним сразу.
Они висели на шее.
Опоясывали руки.
Цеплялись за одежду.
Позвякивали при каждом движении и выглядели настолько странно, что для светлой деревни считались как минимум моветоном.
Как максимум — готовым приговором.
Будь деревня ближе к центру светлых земель, а тем более к столице, знахарку уже вели бы к ближайшему костру, а окружающим объясняли, что дым имеет исключительно очищающее значение.
Но столица про эту деревню, видимо, не помнила.
И вспоминать не собиралась.
Мы насторожились ещё сильнее.
По крайней мере, я.
Я протянула руку и взяла Аркадия Львовича за ладонь.
Со стороны — ничего подозрительного.
Сидят двое взрослых людей рядом.
Держатся за руки.
Возможно, любят друг друга.
Возможно, готовят допрос.
Одно другому не мешает.
Перед глазами открылся приват.
Эту особенность мы обнаружили совсем недавно. Чтобы написать игроку напрямую, мне обязательно требовалось взять за руку кого-нибудь нормального.
Несломанного.
Игрока.
Последний пункт в нашей компании постепенно становился самым трудновыполнимым.
Впрочем, с другими я толком не проверяла.

Возможно, приват работал только с Юристом.

Возможно, сказывалось наше слияние.

Возможно, система решила, что после всего произошедшего переписка через прикосновение — наименьшая из наших странностей.

Я написала:

«За три года игры паладином я ни разу не видела таких старост».

Не три года назад.

Три года подряд.

Срок службы большой, выборка приличная, статистике можно доверять.

Следом я коротко пояснила, что именно висит на женщине и что сделали бы с ней настоящие паладины, пояись они сейчас в деревне.

Аркадий Львович прочитал.

Поднял глаза.

И немедленно взял информацию на вооружение.

Лицо у него стало таким, будто сжигать собирались не одну старосту.

Сразу всю деревню.

После тщательной юридической проверки.

Староста дёрнулась.

Амулеты на ней дружно звякнули.

Весёлость с лица немного осыпалась.

— К нам никто не шёл, — поспешила объяснить она. — Пришлось искать другие способы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.